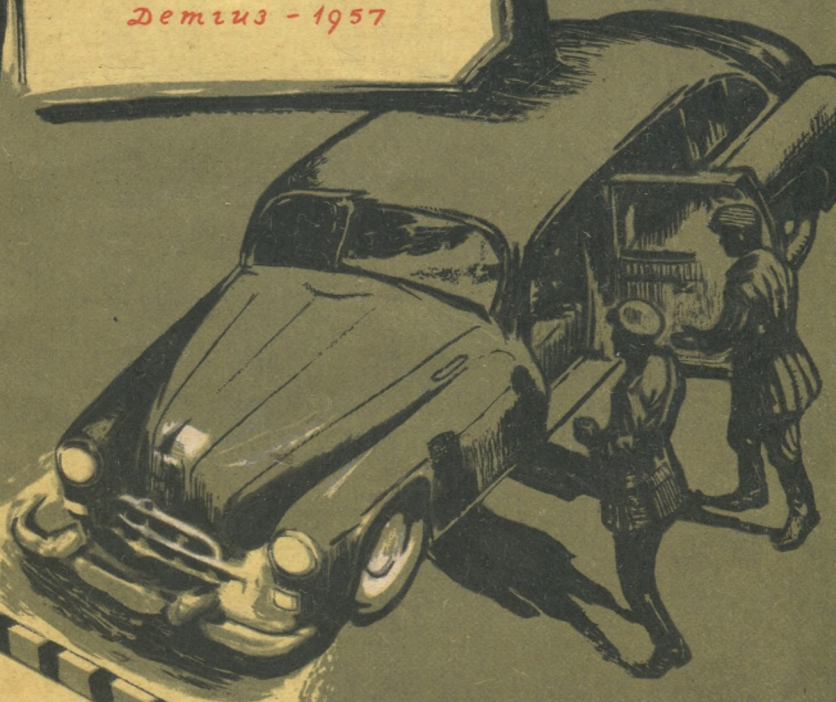

А. АВДЕЕНКО
У КАРПАТСКОГО
КОСТРА

Детиз - 1957

А. АВДЕЕНКО

У КАРПАТСКОГО КОСТРА

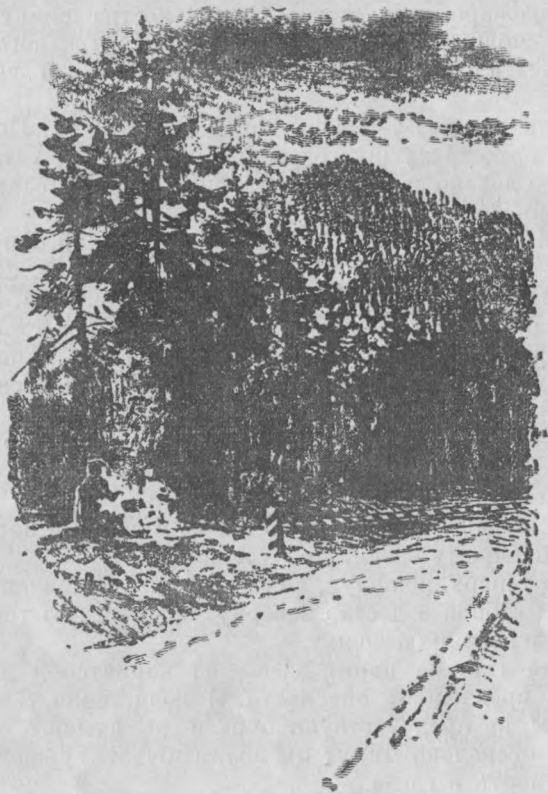
РАССКАЗЫ

Рисунки А. Лурье

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

Москва 1957

У КАРПАТСКОГО КОСТРА

I

На обочине дороги, там, где автострада покидает горные карпатские теснины и вырывается в просторную долину, горит ночной костер. Невысокое, но жаркое пламя охватывает со всех сторон черный от застарелой копоти казанок. Поспевает овейный дымком кулеш — пшенная негустая каша, щедро заправленная толченым свиным са-

лом и пережаренным луком. Около костра сидят двое мужчин и молча, терпеливо ждут той минуты, когда кулеш окончательно наберет свой неповторимый сочный аромат.

Кто они, эти два человека, сидящие у костра? Почему, перекрыв автостраду шлагбаумом, они не спят, хотя уже перевалило далеко за полночь и давно не показывается ни одна машина?

Осенняя ночь плотной, непроглядной стеной окружает костер со всех сторон; не видно ни гор на севере, ни равнины на юге, ни лесного массива на востоке, ни голых скал на западе. Даже недалекая река, бегущая в камнях, по ту сторону дороги, угадывается только по кипящему шуму. Темнота и тишина. Да еще горная предрассветная свежесть.

Недружно пропели за рекой первые петухи. Крупной росой покрылись придорожные камни, трава и асфальт автострады. Потянуло холодком.

— Ну, пора! — проговорил один из мужчин и потянулся к закопченному казанку с кулешом.

— Да, теперь, пожалуй, в самый раз, — оживленно откликнулся второй и достал завернутую в чистую тряпицу большую деревянную ложку.

Мирная тишина царит здесь, на карпатской дороге; ничто не предвещает опасности. И люди, сидя у костра за ужином, не предчувствуют бури и не думают о том, что через несколько минут им обоим будет суждено заглянуть смерти в глаза...

— Машина с Верховины спускается, — спокойно говорит один из мужчин.

Он поворачивает лицо, освещенное пламенем костра, в сторону гор и, сощурив глаза, пытается разглядеть дорогу.

Свет фар невидимой еще машины заскользил по голым скалам, потом по верхушкам хвойных деревьев, широкой полосой лег на воду реки и, наконец, прямым лучом уперся в шлагбаум, перекрывающий дорогу.

II

Поздним вечером в дверь квартиры гражданина Н., инженера, два года назад ушедшего на пенсию, решительно постучали. Иван Иванович был уже раздет и лежал в

постели. Чертыхаясь про себя, хозяин квартиры поднялся. Кому он понадобился в такой неурочный час? Подойдя к двери, не зажигая света, он спросил:

— Кто там?

— Открывай, друг, свои!

— Кто это «свои»?

— Разве не узнаешь по голосу?

— Это ты, Микола? — допытывался Иван Иванович.

— Да. Открывай.

Иван Иванович накинуд на плечи старую шинель, зажег свет, открыл дверь. Перед ним стоял невысокий, кражистый, в кожаной куртке человек. Это был шофер Микола Степанчук.

— Что такое? — спросил Иван Иванович, настороженно оглядывая с ног до головы неожиданного гостя.

— Магарыч с тебя, — улыбаясь, сказал Степанчук. — Имею выгодных клиентов. За одну ночь можно заработать круглую тышчонку. Деньги получишь вперед.

Иван Иванович шире открыл дверь, обнял за одно плечо шофера и ввел его в дом.

— Куда везти их? — оживленно спросил он.

— В Ужгород. Но только с условием: до рассвета быть на месте. Торопятя они...

— А чего это им так приспичило?

— Спешат на похороны. Не то дяденька, не то племянник умер. Ну, живо собирайся. Машина заправлена?

Иван Иванович недвижимо стоял посреди комнаты. На его выбритом, одутловатом, посеченном морщинами лице выражалось недоумение. Он пригладил седые волосы и настороженно посмотрел на своего приятеля Миколу. Иван Иванович познакомился с ним несколько месяцев назад на черной автомобильной бирже. Шофер Степанчук часто возил пассажиров в Станислав, Черновицы, Киев и в Закарпатье. Когда не мог везти пассажиров на своей машине, передавал их Ивану Ивановичу — владельцу новенького «ЗИМа». Они нередко вместе выпивали. Больше ничего не знали друг о друге.

— А почему ты не едешь? — спросил Иван Иванович.

— Ремонтирую свою лайбу. Разве упустил бы таких выгодных клиентов? Тысяча рублей!.. Ну, поезжай! — хлопнув по плечу хозяина, настойчиво сказал Степанчук. — Чего ты так долго раздумываешь?

— А где они?

— Ждут на моей квартире. Согласен?

— А ты со мной поедешь? Скучно одному.

— Некогда, брат.

— Ну ладно. Тогда возьму Стасика.

— Правильно! — воскликнул Микола. — Стасик не даст тебе заснуть на обратном пути. Мировой парнишка. Позвать его?

— Иди!

Микола вышел. Вернулся он быстро, так как Стасик жил в том же самом дворе, где и Иван Иванович.

— Вот он. К вашим услугам! — объявил Микола, хлопывая Стасика по костистому плечу.

Перед Иваном Ивановичем стоял худощавый парнишка лет двенадцати. Смуглое лицо его было заспанным, припухшие глаза болезненно щурились от света. Правая щека изрядно помята, в темных волосах белеет пух, пуговицы на рубашке застегнуты кое-как, ботинки обуты на босу ногу, не зашнурованы.

Иван Иванович строго оглядел мальчика.

— Нет, чего его брать! Ему сейчас сон дороже путешествия. Иди домой, спи.

В черных глазенках Стасика появилось умоляющее выражение.

— Дядя Ваня, не буду я спать! Честное слово! Возьмите! Я никогда не был в Карпатах... — дрожащим голосом просил он.

Иван Иванович молчал. Он твердо решил взять мальчика с собой, но делал вид, что колеблется, брать или не брать.

Стасик полными слез глазами молча умолял Ивана Ивановича не отсылать его домой. А тот почесывал затылок и раздумчиво глядел на мальчика. Пусть пока пострадает, зато как будет радоваться потом, сидя рядом с ним в «ЗИМе» и настраивая радиоприемник!

Они были хорошими друзьями, и сдружил их автомобиль.

Мальчик любил машину Ивана Ивановича. Когда она появилась на Варшавской улице, во дворе дома № 9, Стасик не отходил от нее ни днем, ни ночью. Он помогал Ивану Ивановичу мыть машину, натирать восковой пастой и начищать до зеркального блеска хромированные ча-

сти. Стасик радовался, когда дядя Ваня прокатил его, как бы в награду за труды, по городу. И когда тот однажды взял его с собой в дальний рейс, в Буковину, мальчик был на седьмом небе.

До того как во дворе появилась эта чудесная, сверкающая черным полированным металлом машина, Стасик увлекался голубями, марками, велосипедом, английским языком, футболом. Теперь он все забыл, все забросил и увлекался только одним «ЗИМом». Придя из школы и кое-как сделав уроки, он сейчас же бежал в глубь двора, где был построен деревянный, обитый старым кровельным железом гараж дяди Вани.

Матери Стасика, учительнице английского языка, женщине тихой, одинокой, мягкосердечной, не нравилось увлечение сына, но она ничего не могла поделать: хороших, добрых слов Стасик не понимал — попросту не слышал, а строгих и злых она не умела произносить. Постепенно она смирилась с его новым увлечением, надеясь на то, что время охладит автомобильную любовь сына.

— Возьмите, дядя Ваня! — продолжал умолять Стасик.

— Что ж, придется...

Иван Иванович оделся, засунул в карманы куртки ломоть хлеба, кусок сыру, несколько яблок.

— Поехали. Веди нас, Микола, к своим квартирантам.

III

Город уже погрузился в сон. «ЗИМ» промчался по пустынным улицам центра и остановился на окраине города, перед маленьким домом, обнесенным изгородью. Шофер выскочил из машины и через несколько минут явился со своими подопечными. Их было двое. В свете фар Иван Иванович хорошо разглядел своих новых клиентов, сравнительно молодых парней, очень похожих друг на друга. Они были одеты в потрепанные серые костюмы; на головах стандартные кепки, в руках небольшие чемоданы. «Такие замухрышки, а тысячами бросаются!» — подумал Иван Иванович.

Дальше этого он в своих размышлениях не пошел. Всякие «левые пассажиры» перебивали в его машине. Он привык сдерживать любопытство.

Парни вежливо поздоровались с владельцем «ЗИМа», приветливо улыбнулись Стасику, сидящему рядом с водителем, дружески распрощались с Миколой и, уверенно открыв дверцу машины, расположились на заднем сиденье. Чемоданы они поставили у ног.

Потом один из пассажиров осторожно прикоснулся к плечу Ивана Ивановича и, кивнув на Стасика, мягким, певучим голосом спросил:

— Сын? Или внук?

— Помощник. Сосед по квартире. Будущий академик автомобильного дела, а пока ученик шестого класса «Б».

— Очень приятно. — Обладатель мягкого, певучего голоса протянул мальчику руку: — Здравствуй, будущий академик!

Стасик вспыхнул, опустил голову и чуть внятно прошептал:

— Здравствуйте...

— Сигарету хочешь?

Стасик энергично замотал головой.

— Не любишь сигареты? — засмеялся пассажир. — Какой же ты автомобилист! — Он махнул рукой и повернулся к водителю. — Ну как, попадем до рассвета в Ужгород?

— Смотря как будем ехать, — ответил Иван Иванович.

— Ехать надо добре, а мы вас не обидим. Вот ваш заработок, а магарыч потом. — Парень достал пачку денег и бросил на переднее сиденье. — Тысяча.

Иван Иванович повертел пачку в руках и, не пересчитывая, засунул ее в карман.

— Значит, на похороны спешите?

— Дядя умер у нас... — Разговорчивый парень посмотрел на своего мрачноватого соседа. — Это мой брат Иван, а я Петро.

Иван, до сих пор не произнесший ни слова, нетерпеливо сказал:

— Поехали!

— Да вы не беспокойтесь, — добродушно улыбнулся водитель. — Моя машина не подведет. Доставлю вовремя, минута в минуту.

— А если доставишь раньше срока, дадим премию, — засмеялся Петро.

Стасик украдкой покосился на него. «Ишь, на похороны спешит, а такой веселый и нетерпеливый, будто на свадьбу едет. Интересно, где он работает и сколько получает? Наверное, какая-нибудь важная птица, если тысячу рублей без всякой жалости выбросил из кармана».

Иван Иванович поудобнее устроился на сиденье, завел мотор, включил сцепление, дал большой свет и помчался в сторону Стрийского шоссе. Дорога в этот час была пустынной, и машина на полной скорости летела до самых карпатских предгорий.

Иван Иванович был в отличном настроении. Вечером он изрядно выпил, хорошо поужинал, и теперь ему хотелось поговорить со своими щедрыми пассажирами. Но как ни пытался он разговориться, они отмалчивались. И ему поневоле пришлось отводить душу в разговоре со Стасиком:

— Не спишь?

— Что вы! Я все вижу.

— Интересно, а что же ты видишь?

— Горы. Это уже Карпаты, да?

— Они самые. Тут живут волки, олени, медведи...

— Интересно, карпатские медведи такие же, как и в зверинце?

— Страшнее. Шерсть длинная, голова как барабан, глаза горят, когти железные.

— Да, железные!.. Обманываете.

— А ты?.. — Иван Иванович усмехнулся, чиркнул спичкой и, прежде чем прикурить сигарету, осветил лицо своего помощника. — Ты разве никого не обманываешь? Товарищей? Учителей? Мать?

— Нет, — твердо ответил мальчик. — Я свою маму не обманывал. Никогда!

Иван Иванович прикурил сигарету и выбросил обугленную спичку за окно.

— Не верю. Разве ты сегодня не обманул мать?

— Нет, не обманул. Честное пионерское.

— Не верю. А ну-ка, посмотри мне в глаза. Прямо смотри! Все понятно: обманул! Ты не сказал ей, что поехал в Ужгород. Так или не так?

Мальчик молчал, опустив голову.

Иван Иванович засмеялся — с удовольствием, весело,

от души. Обернувшись к пассажирам, не переставая смеяться, он спросил:

— Слыхали? Видали праведника?

Петро и Иван поддержали водителя вежливой усмешкой.

Время перевалило за полночь, когда въехали в горный городок, расположенный на подступах к перевалу. Перед ярко освещенными окнами придорожной закусочной Иван Иванович резко затормозил.

— Может быть, подкрепимся? А?

— Можно, — согласились братья.

Иван Иванович угодливо открыл перед ними дверцу:

— Прошу!

— Нет, мы поужинаем прямо здесь, в машине. Вот вам денегата. Купите водки, пива, чего-нибудь закусьте. — сказал Петро.

Иван Иванович бросил две новенькие сторублевки на колени Стасику:

— Ну-ка, праведник, бери деньги и...

— Зачем же посылать одного мальчишка? — раздраженно перебил Петро. — Идите и вы.

— Нет уж, я лучше один пойду.

Иван Иванович вытащил ключ из замка зажигания, хлопнул дверцей и, разминая затекшие ноги, направился в закусочную.

Когда он скрылся за стеклянной, выкрашенной белой краской дверью, Петро слегка толкнул Стасика в спину:

— Иди и ты, хлопчик. Поможешь бутылки нести.

Стасик с неожиданной резкостью буркнул:

— Я не пойду!

— Почему? — удивился Петро.

— Потому...

Петро свистнул.

— Ах да, я забыл, что ты в академики готовишься!

— Вы, пожалуйста, не смейтесь надо мной. Я ничем этого не заслужил.

— О, да ты, оказывается, не простой человек, обидчивый и гордый! Прошу прощения. Виноват. Пардон.

Петро толкнул Ивана локтем, усмехнулся и беспечной скороговоркой, уверенный, что мальчик не поймет, сказал по-английски:

— Малыш с поровом. Как ты думаешь, не помешает он нам?

Иван ответил тоже по-английски:

— Надо накачать его водкой.

Петро кивнул:

— Хорошо, это я беру на себя.

Стасик молчал. Не посмотрел на пассажиров. Не пошевелился. Он слышал все, о чем они говорили, все понял (он знал английский почти так же, как и мать), но ничем не выдал себя.

Это было первое великое испытание в его короткой жизни. Первый его подвиг, который он совершил бессознательно, не ведая о том, что делает. Когда Стасик услышал английскую речь, когда понял, о чем условились пассажиры и что его ждет, ему стало страшно; ему хотелось закричать, выскочить из машины, побежать к дяде Ване и все ему рассказать. Всего этого он не сделал лишь потому, что отнялись ноги, потому, что перехватило дыхание, потому, что не мог пошевелить рукой. Сидел, окаменев от страха, потеряв власть над собой. И это спасло ему жизнь. Если бы он попытался выскочить из машины, позвать на помощь, рука Петра или Ивана немедленно перехватила бы ему горло.

Вернулся Иван Иванович с бутылками и свертками:

— Вот, пожалуйста, пируйте.

Петро посмотрел вдоль освещенной улицы:

— Неудобно тут. Отъедем немного дальше.

Иван Иванович сел за руль и посмотрел на мальчика:

— Ты спишь, академик?

— Нет, не сплю.

— А чего же ты такой?

Вот тут Стасику надо было бы ухитриться сообщить дяде Ване, о чем говорили его пассажиры по-английски. Но он молчал и ждал более удобного случая.

На окраине городка «ЗИМ» остановился.

Иван Иванович прожил на свете более пятидесяти лет. Никогда в своей жизни он не был ни холуем, ни угодником. Честно трудился. Но вот теперь, раскупоривая бутылки с водкой и раскладывая перед клиентами закуску, он начисто забыл, кем был. Он прислуживал своим пассажирам потому, что они ему хорошо заплатили.

Под старость Иван Иванович полюбил деньги. За время работы на черной автомобильной бирже он привык разделять людей на две категории: на тех, кто, не торгуясь, платил хорошо, и на тех, кто твердо знал счет деньгам, не хотел платить лишнее за проезд на его «ЗИМе». С тех пор как он стал владельцем машины, все его стремления сводились к одному: найти выгодных пассажиров, хорошо заработать и как можно скорее вернуть те сорок тысяч, которые были истрачены на покупку автомобиля. Иван Иванович возил пассажиров в Киев, Черновицы, Ужгород, в Закарпатье. В южных районах закупал виноград и фрукты, вез на север и там продавал по спекулятивным ценам. Не гнушался и мелкими заработками: подбирал пассажиров на вокзале, у подъездов театров и кино, у ворот рынков, у дверей магазинов. День, когда не зарабатывал двести — триста рублей, он считал пустым, несчастным днем.

Петро наполнил до краев три стакана водкой. Один дал Ивану, другой водителю, третий взял себе. Чокнувшись, он осушил стакан до дна, понюхал корку хлеба, заел сыром и, взяв бутылку, снова опрокинул ее над своим стаканом. Стасик видел, как прозрачная вонючая жидкость, противно булькая, лилась в стакан, быстро его наполняя. «Это для меня», — подумал он со страхом, и во рту у него все пересохло.

Петро положил холодную, тяжелую руку на кудрявую голову Стасика и поднес стакан, полный водки, к его губам:

— Пей, хлопчик, за наше здоровье.

Стасик оттолкнул руку Петра — почти вся водка пролилась на сиденье.

— Не хочу! — твердо, с силой сказал он. — Не буду!

Петро молча переглянулся с братом, долил стакан и опять поднес к губам Стасика. Тот снова оттолкнул его руку и умоляюще посмотрел на водителя:

— Дядя Ваня, не хочу! Не пил я ее никогда.

Но дядя Ваня, конечно, не догадывался, что творилось в душе мальчика. Он посмотрел на помощника, усмехнулся:

— Не пил, так выпьешь. Пей! Мать все равно не узнает.

— Пей! — настаивал и Петро.

— Не буду! Не буду! — закричал мальчик и выскочил из машины.

— Реактивный хлопчик! — усмехнулся Иван Иванович.

— Пропадет парень, — с сожалением проговорил Петро. — Надо бы вернуть.

— Ты куда, дурачина? Тут же медведи кругом. Вернись! — добродушно крикнул Иван Иванович вслед убежавшему мальчику.

Стасик не остановился.

Иван Иванович выскочил на тротуар и уже строго, сердито, приложив ладони к углам рта, закричал на всю улицу:

— Вернись, а не то догоню и выпорю! Слышишь?

Стасик не слышал. Куртка его все быстрее и быстрее мелькала на фоне неосвещенных, погруженных в глубокий сон домов. Он бежал вниз по улице, в сторону темнеющей громады карпатского леса. Кованые его башмаки гулко гремели на каменных плитах тротуара.

Иван Иванович покачал головой:

— Допекли хлопчика! Надо догонять.

Он вскочил в машину, нажал на стартер, и «ЗИМ» помчался вниз. Сильный свет фар залил всю улицу, из конца в конец, и уперся в спину Стасика.

Машина набирала ход. Еще десять — пятнадцать секунд, и она поравняется с беглецом, прижмет его правым бортом к каменной ограде домов.

Иван Иванович занес ногу, чтобы резко нажать на тормозную педаль, уже приготовился открыть дверцу, чтобы впустить в машину Стасика, но в этот момент увидел, как мальчик метнулся к каменной изгороди ближайшего двора, перемахнул через нее и пропал за темными, густыми деревьями сада.

Иван Иванович притормозил машину и растерянно посмотрел на своих пассажиров:

— Вот так история! Взбесился хлопец. Что же теперь делать?

Петро властно положил тяжелую руку на плечо водителя и глуховатым, раздраженным голосом сказал:

— Поехали дальше.

— А как же хлопчик?

— А что с ним станется? Здесь же не дремучий лес, а город, не звери, а люди. Поехали, а то опоздаем! На обратном пути подберешь.

Иван Иванович молчал, задумчиво глядя на каменную ограду, за которой чернел сад, приютивший беглеца.

— Поехали! — настаивал Петро.

— Стасик, Стась, иди сюда, не балуй! — ласково позвал Иван Иванович.

Мальчик не откликнулся ни через минуту, ни через пять. Тогда водитель громко выругался и сердито хлопнул дверцей:

— Поехали!

IV

Стасик пробежал насквозь темный сад, перелез через ограду и очутился в узком, заросшем деревьями переулке. Здесь он упал на землю и, тяжело дыша, вытирая мокрое лицо, думал, что же теперь делать. Отдохнув, он вскочил и помчался дальше, по крутой дороге переулка. Добежав до перекрестка, свернул вправо, спустился вниз и, замедлив шаги, вышел на главную улицу, освещенную фонарями. Она была пустынной: ни машин, ни людей. Невдалеке светились молочно-стеклянные двери и окна той самой закусочной, перед которой недавно останавливался «ЗИМ». Стасик решительно направился в закусочную. Открыв дверь, он увидел за прилавком усатого, в цветном кожаном чепе человека.

— Ты откуда, мальчик? — удивился продавец. — Чего тебе здесь надо? Отстал от автобуса или как?

— Где тут у вас милиция? — спросил Стасик, и губы его задрожали.

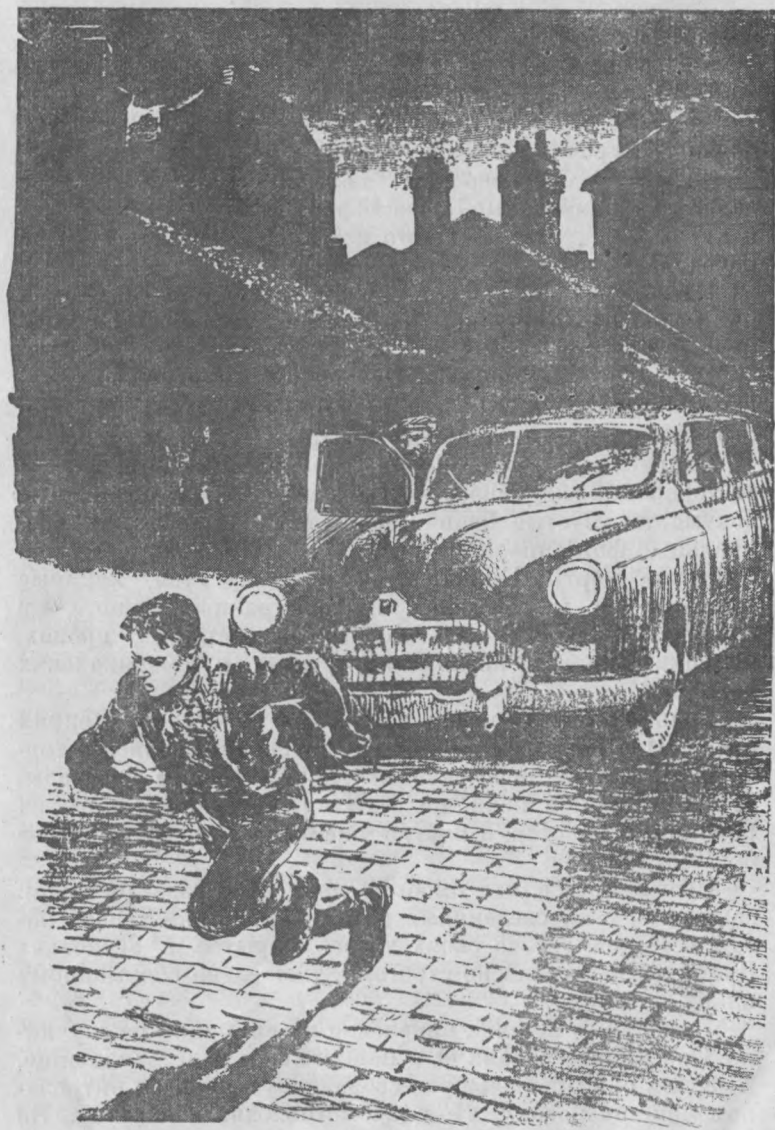
— Что случилось?

Мальчик молчал. Выражение лица Стасика, его взволнованный голос встревожили продавца. Он снял халат, взял мальчика за руку:

— Идем.

V

Около двух часов ночи машина Ивана Ивановича пересекла Карпатский перевал и с выключенным мотором покатила под гору по дороге, извинаящейся по берегу бурной реки.

— Вернись! — закричал Иван Иванович убежавшему мальчику.

— Успеем к назначенному сроку? — нагнувшись к шоферу, спросил Петро.

— Не беспокойтесь.

Петро глянул на светящийся циферблат часов.

— Да, пожалуй, успеем, если не будем задерживаться около проверочных шлагбаумов.

— Никаких проверочных шлагбаумов здесь нет, все давно ликвидированы. Поезжай на все четыре стороны — и нигде не спросят никакого документа. Полная свобода передвижения по всему Закарпатьяю.

Пассажиры тихонько толкнули друг друга локтями и незаметно переглянулись. То, что они узнали от шофера, их обрадовало.

Парни, назвавшие себя Петром и Иваном, были опасными государственными преступниками, агентами иностранного разведывательного центра.

Отправляя шпионов в нашу страну, шефы разведцентра хорошо их снарядили: у них были советские подложные документы, пустые бланки различных учреждений, специальные фотоаппараты, оружие, ампулы с ядом, географические карты Прикарпатья и Закарпатья, крупные суммы денег в советской и иностранной валюте — в рублях, польских злотых, чехословацких кронах, немецких марках, английских фунтах и американских долларах.

Границу они перешли в одну из ненастных осенних ночей. Под покровом темноты и дождя пробрались в горное Закарпатьяе, пересекли по глухим тропам перевалы, в течение одной ночи, не отдыхая, спустились вниз, на равнинный простор, и наутро уже были в людском потоке большого города.

Выполнив все, что им было приказано разведцентром, со шпионскими сведениями возвращались они теперь назад, в тайное гнездо своих хозяев, скрытое в верховьях Дуная. Действовали по строгому, тщательно обдуманному плану.

Роскошная машина привлекла их внимание не случайно. Они упорно искали ее и нашли через подставное лицо. Выбрали они эту большую, сверкающую черным нитролаком машину потому, что она быстроходна и надежна. Но самый главный их расчет, конечно, был на то, что роскошный «ЗИМ» всякому милиционеру, если он случайно встре-

тится на дороге, внушит должное почтение. Ни одному пограничнику, ни одному сотруднику органов безопасности, думали они, при виде роскошного «ЗИМа» не придет в голову, что в нем с таким комфортом едут шпионы, нарушители границы. Кроме того, им сказали, что владелец машины падох на деньги и обязательно согласится свезти их ночью в Ужгород. Повезет и не станет допытываться, кто они такие, откуда и куда едут. «Иван» и «Петро» были уверены, что доедут до Ужгорода без единой задержки и без всяких осложнений.

Петро достал из кармана бумажник, туго перехваченный резинкой, открыл правое окно и, выждав момент, когда машина вплотную подошла к берегу, бросил его в реку. Примеру «Петра» последовал «Иван».

«Братья» решили избавиться от своих подложных документов и вообще от всех бумаг, могущих удостоверить их личность. Теперь, когда граница рядом, рукой подать, когда с легальным положением покончено, любой самый хороший советский документ не только бесполезен, но и вреден. С его помощью органы безопасности могут восстановить, где жили шпионы, где работали, что делали, с кем были связаны.

На той стороне, за советской границей, в условленном месте была зарыта железная банка с новыми документами, которые помогут «братьям» пробираться через Чехословакию или Польшу дальше на запад.

Впереди возвышались одна над другой черные мохнатые горы. Река извивалась в обточенных валунах и неукротимо мчалась к равнине. На дороге забелели каменные столбы небольшого моста. За ним горел костер, у которого сидели два человека. Дорога была перекрыта шлагбаумом. Иван Иванович плавно притормозил машину и остановился.

Пламя костра, как в зеркале, отразилось в лаковой черной поверхности кузова, в массивном никелированном буфере машины. От мотора струился запах перегретого масла. На ветровых стеклах блестели капли дождя. Кремовые ступицы колес были забрызганы свежей грязью.

Иван Иванович опустил стекло и, высунув голову в окно, небрежно и властно крикнул:

— Эй, дядьки, зачем перекрыли дорогу? Поднимай шлагбаум! Да живее!

Люди, сидевшие у костра, поднялись и подошли к машине. Один из них был в милицейской форме, с погонями старшины, другой — в ватной фуфайке и кепке.

— Это мы перекрыли дорогу, — сказал человек в фуфайке.

На его плохо выбритом, усталом от бессонницы лице чернели пятна копоти, от одежды густо пахло дымом костра, веки глаз покраснели, отяжелели.

— А кто это «вы»? — раздраженно спросил шофер. — Какое вы имеете право закрывать дорогу?

— Я карантинный инспектор Кушнирчук, а это, сами видите, милиционер, товарищ Москаль. Откуда вы едете? Что везете? Картошка есть? С большой картошкой мы не пропускаем в Закарпатье.

— Чудак человек! Кто в такой машине картошку возит? Ну, поднимай шлагбаум, живее!

— Не подниму, пока не осмотрю машину, — твердо проговорил инспектор.

— Плохо вы знаете свои права. Ищите картошку на грузовиках, а здесь люди. Поднимай! — Шофер завел мотор, и машина вплотную подъехала к шлагбауму.

Милиционер, стоявший до сих пор молча, открыл переднюю дверцу машины:

— Товарищ шофер, почему не подчиняетесь инспектору? Он на посту и выполняет свой долг. Куда едете? Откуда? Предъявите документы.

— Документы? Да вы что, товарищ старшина! Сейчас же не война. Забыли?

— Предъявите документы! — настойчиво повторил милиционер. — Иначе дальше не поедете.

— Грозный начальник! — усмехнулся Иван Иванович. — Какие вам нужны документы? Паспорт? Орденская книжка?

-- Прошу предъявить путевку и водительское удостоверение.

— Никакой путевки у меня нет. Я сам себе выписываю путевки. Это моя личная машина. Понятно?

— Это меня не интересует. Предъявите техталон, права.

— Ну и бюрократ! — злобно воскликнул Иван Иванович и полез в карман. — Вот, пожалуйста, техталон, вот удостоверение. Читай, если грамотный.

Милиционер внимательно посмотрел на водителя и тихо, с достоинством сказал:

— Да, я грамотный, товарищ шофер. А вот вы...

— Но, но, только без нравоучений! Делай свое дело!

Милиционер просмотрел документы водителя и, что-то записав в книжку, вернул их Ивану Ивановичу:

— Пожалуйста. Кого везете?

Водитель все еще злобствовал:

— Людей везу, не быков! Разве не видишь?

Милиционер и на этот раз не ответил грубостью на грубость. Он открыл заднюю дверцу лимузина:

— Товарищи, предъявите документы.

— Документы? Пожалуйста, — живо откликнулся «Иван».

Он пошарил по карманам пиджака и брюк, виновато улыбнулся:

— Простите, товарищ старшина, я не ту шкуру надел. Все документы остались в новом пиджаке. Знаете, я так торопился... Войдите в наше положение: мы спешим на похороны. Дядя у нас умер в Ужгороде.

Милиционер перевел взгляд на второго пассажира:

— А ваши документы?

— Мои документы в полном порядке, товарищ старшина. Все при себе: и военный билет, и паспорт, и справка с места работы, и даже брачное свидетельство.

«Петро» неторопливо, якобы за тем, чтобы достать документы, полез в карман. Нащупав рубчатую рукоять браунинга, сдвинул предохранительную кнопку и, не вынимая руки из кармана, направил дуло пистолета в живот милиционера.

Он был уверен, что уложит его первой же пулей. Выстрела не последовало. Нажал на спусковой крючок еще раз, и еще, но пистолет молчал.

«Петро» долго обучался в шпионской школе владеть оружием. Он хорошо стрелял из пистолета — автоматического и бесшумного. Стрелял на тренировке из любого, самого трудного положения, искусно обороняясь и неожиданно нападая: по движущейся мишени пограничника и его розыскной собаки, из окна бешено мчащегося автомобиля, лежа в постели, сидя за обеденным столом, предъявляя документы. Он хорошо усвоил, куда и как надо

стрелять, чтобы поразить противника наверняка и молниеносно.

И все-таки теперь, когда надо было действовать в настоящих, а не тренировочных условиях, когда надо было стрелять в милиционера, а не в фанерную мишень, он вдруг оскандалился.

Что же случилось с пистолетом? Почему он не стреляет? Кажется, не заряжен. «Петро» нащупал в кармане выпавшую из пистолета обойму. Вот простофиля! Как могла произойти столь глупая оплошность? Наверное, так сильно волновался, когда милиционер решительно потребовал документы, что нажал вместо предохранительной кнопки другую, ту, что освобождает из рукоятки обойму. Надо скорее, как можно скорее вставить обойму в пистолет...

— Сейчас, сейчас, товарищ старшина, я достану документы, имейте терпение, — улыбаясь, бормотал он.

— Пожалуйста, я подожду, спешить некуда... Товарищ водитель, идите к костру и не подходите к машине! — решительно приказал старшина.

Иван Иванович молча выполнил приказание милиционера.

Яркое пламя костра хорошо освещало внутренность машины, лица пассажиров, их одежду, кепки. Старшина Москаль не был ни психологом, ни следопытом. В милиции он служил недолго и пока не имел особых заслуг. Да и на белом свете он жил еще не так много, не успел накопить жизненный опыт. И все-таки он увидел, что лица пассажиров бледны и напряженны. Он увидел на полу машины пустые бутылки из-под водки и пива, а на заднем сиденье — остатки нищи и помятую географическую карту. Он увидел на чистых, холеных руках парней дорогие, с нарядными ремешками часы. Пиджаки старенькие, из дешевого материала, без пуговиц, но в верхних карманах сияли золотыми головками самопишущие ручки и карандаши.

Наибольшее внимание Москаля привлекла обувь пассажиров. На ногах у них резиновые сапоги, мало пошленные, с нестертой рубчатой подошвой, сияют лаком, а голенища сверху отрезаны. И, видно, сделано это на скорую руку, тупым ножом, криво, как-нибудь.

И Москаль понял, что какие бы документы ни предъ-

явили ему пассажиры, он все равно не должен верить им. Он обязан во что бы то ни стало задержать этих молодчиков. Задержать!

Как много может передумать и перечувствовать человек в такое короткое мгновение, как одна минута! Какую великую решимость он способен проявить, как возмужать, как вырасти!

Вот до этой минуты, до того как судьба столкнула старшину Москаля с двумя опасными, на все готовыми преступниками, он не знал, что обладает смекалкой, смелостью и отвагой, что не боится смерти.

«Иван», в свою очередь, лихорадочно изучал в эту минуту старшину. Судя по твердой решимости проверить документы, милиционер разгадал, кто едет на роскошной машине. Значит, притворяться дальше бесполезно. Надо идти напролом, огнем прокладывая себе дорогу к границе.

Сидя в глубине машины, со стороны реки, не вынимая руки из кармана, он направил на милиционера пистолет, который все время держал наготове. Сейчас, через мгновение раздастся выстрел, и старшина рухнет на землю... Карантинный инспектор и шофер, конечно, поднимут шум, и тогда преследование со стороны пограничников неминуемо. А может, пока не стрелять? Может, еще можно тихо и мирно, с помощью всемогущих денег отделаться от этого настырного старшины? Деревенский милиционер, живущий в горной глухомани, не имел, конечно, никогда капитала даже в две—три тысячи рублей. Он онемел от радости, если ему предложить пять тысяч. Пять тысяч ему, пять — карантинному инспектору. Он, этот инспектор, разумеется, тоже, как муха к меду, прилипнет к деньгам и немедленно поднимет шлагбаум. Придется тысяч пять отвалить и шоферу. Не родился на свет еще такой дурак, который бы отказался от денег...

Так рассуждал лазутчик. Иначе и не мог рассуждать, ибо давно продан за деньги. В шпионской школе ему внушали, что главное его оружие — деньги. За деньги он сможет купить все, что захочет. Не зря же в его чемодане были советские, чешские, польские, немецкие, английские и американские деньги. Он считал, что все люди продаются за деньги.

Пассажир достал из кармана тугую пачку сторублевки:

— Вот наши документы. Бери эти десять тысяч, спрячь их подальше и не говори никому, как разбогател. Бери и поднимай шлагбаум.

— Гражданин, — повысил голос Москаль, — спрячьте деньги и выходите из машины!

— Я не шучу с тобой, старшина. Бери деньги, никто не узнает. Может быть, мало? Могу прибавить. — Пассажир достал еще одну пачку сторублевков, бросил на коврик, прикрывающий пол «ЗИМа». — Бери, дурак, и проваливай отсюда, пока жив!

— Выходите из машины, — стараясь быть спокойным, повторил Москаль.

Он быстро, точным рывком достал из кобуры пистолет.

«Да, теперь надо стрелять, — решил диверсант, — стрелять без промедления, иначе все пропало». Не вынимая руки из кармана пиджака, он снова направил браунинг на милиционера.

Сильный прожекторный свет какой-то машины, неожиданно выскочившей из-за крутого поворота дороги, со стороны перевала, широким снопом ударил в заднее окно «ЗИМа», насквозь пронизал кузов. «Иван» опустил браунинг и, щурясь, оглянулся. Что за машина? Откуда она взялась? Случайная или погоня? Свет ослеплял, мешал разглядеть, что творилось на дороге.

Старшина Москаль по растерянному взгляду пассажира понял, чего тот опасался, и решил использовать этот страх в своих целях. По мужским голосам, донесшимся со стороны машины, он догадался, что подъехал, по всей вероятности, грузовик с колхозниками.

Обернувшись к грузовику, Москаль зычным, властным голосом скомандовал:

— Автоматы к бою! Свет не выключать!

Это была инстинктивная хитрость солдата, очутившегося перед лицом сильного врага. Москаль рассчитывал на то, что его противники почувствуют себя окруженными и не окажут сопротивления.

Расчет оказался верным. Всякий преступник, как бы он глубоко ни замаскировался, как бы долго ни ускользал от возмездия, каким бы удачливым ни был, постоянно дрожит за свою шкуру, всегда настороже; всегда ему кажется, что по его пятам идут преследователи, что каждое мгновение его могут схватить.

Колхозники, сидевшие на грузовике, не могли быстро, как того требовали обстоятельства, разгадать военную хитрость старшины. Они ясно слышали команду «автоматы к бою», но восприняли ее скорее как шутку. Какие у них автоматы? Палки нет в руках ни у одного человека, не только оружия.

При свете фар грузовика, освещающих впереди стоящий «ЗИМ», они хорошо видели возбужденного милиционера и сидящих на заднем сиденье пассажиров, но были очень далеки от действительного понимания того, что происходит. Больше с любопытством, чем с тревогой, шумно переговариваясь, они соскакивали с машины, топтали тяжелыми сапогами об асфальт дороги. И это было как раз то, что нужно было милиционеру, — создавалось впечатление, что изрядное количество солдат готово по первой его команде наброситься на пассажиров легковой машины.

Пройдет минута, другая — и преступники поймут, что ошиблись, но будет поздно. Надо как можно быстрее действовать, пока они не опомнились.

— Выходи! — скомандовал Москаль и тут же схватил «Петра» за воротник пиджака и вытащил из машины на дорогу.

При этом часть денег, английских фунтов и американских долларов, задетых ногами преступника, вывалилась наружу и рассыпалась, густо устлав землю. Старшина топтал деньги, он уже не видел их. Вся его физическая сила, вся сила его солдатского ума и ненависти были направлены на то, чтобы сокрушить врага, победить. Это и решило его судьбу, судьбу жизни и смерти. «Петро» не оказал сопротивления, а «Иван» не выстрелил, хотя оружие у него было наготове.

— Руки из карманов! — приказал старшина второму пассажиру, наставляя на него пистолет, который был в правой руке, и продолжая левой крепко держать воротник пиджака «Петра».

«Иван» повиновался и положил руки на спинку шоферского сиденья.

— Так и сидеть! Кушнирчук, — обратился милиционер к карантинному инспектору, — бери мой пистолет и охраняй. Стреляй, в случае чего. Вперед!

Старшина тряхнул «Петра» за шиворот и повел к

темному домику, одиноко стоявшему у дороги. Это был дом молодого инженера леспромхоза Михаила Горая.

Москаль ввел преступника в холодную боковую комнату, имеющую отдельный ход на улицу, постучал в перегородку, разбудил хозяев. Они тотчас же появились в боковушке с керосиновой лампой в руках.

С тревогой, естественной для людей, привыкших к тихой лесной жизни, смотрели они на знакомого им милиционера и чужого человека, которого старшина держал за шиворот.

— Обыскивайте! — обращаясь к хозяевам, попросил сержант.

Муж и жена с растерянным недоумением переглянулись, не понимая, чего от них хочет Москаль.

— Выверните все карманы!

Теперь они поняли. Оба, торопясь, обыскали преступника. На разостланном платке, который Мария Горай сняла со своей головы, оказались три пачки сторублевок, две пары золотых швейцарских часов, крупномасштабные секретные карты Прикарпатья, Закарпатья и пограничных районов соседних государств, пистолетная обойма, крошечный фотоаппарат, карандаши и автоматические ручки иностранного происхождения, двустороннее увеличительное зеркало в кожаном футляре.

Увидев все это, Москаль до конца понял, с кем имеет дело. Старшина потеснил преступника в дальний угол боковушки, посадил на корточки, лицом к стене.

— Вяжите! А если будет капризничать, вы его образуйте вот так...

Милиционер сунул в руки Марии полосатый жезл и выбежал на улицу.

Михаил Горай и его жена некоторое время растерянно стояли перед преступником. «Вяжи!» А чем вязать его, если в пустой, давно необитаемой комнатухе нет ни веревки, ни проволоки, ни кожаного ремня, ни куска холстины!

— Вяжи! — шепотом проговорила Мария и сорвала со своего платья узенький пояс — матерчатую двойную полосу.

Туго скрутили шпиону запястья рук.

С улицы донесся глухой пистолетный выстрел. Через несколько секунд слышались второй, потом третий.

Старшина тряхнул «Петра» за шиворот ..

Муж и жена беспокойно переглянулись. Что это за выстрелы? Кто стрелял?

Выстрелы подействовали и на «Петра». Они как бы вывели его из состояния растерянности и подавленности. Он вскочил на ноги, круто повернулся и, ударив Михаила в живот головой, ринулся к двери. Мария вовремя успела подставить ему ногу. Преступник упал. Мария несколько раз стукнула его по голове милицейским жезлом. Оглушенный, он растянулся на полу лицом вниз, со связанными руками, — все-таки выдержал матерчатый пояс, не разорвался. Оттащив преступника в тот же самый угол, куда его посадил старшина, Горай выскочил на улицу.

При ярком пламени костра и в свете фар грузовика он увидел милиционера. Москаль лежал на земле вблизи легковой машины без фуражки и обеими руками держался за живот. Горай бросился на помощь старшине.

Что произошло здесь, около костра?

...Подбежав к машине, Москаль широко распахнул дверцу машины, скомандовал:

— Выходи!

Увидев перед собой милиционера, «Иван» молниеносно опустил руку в карман, выхватил браунинг и выстрелил. Пуля угодила Москалю в живот. Он упал, чувствуя, как горячий поток крови струится по ногам, стекает в сапоги. Но боли, мулящей рассудок, лишаящей силы, он не чувствовал. Голова была ясной, и руки сжимались в кулаки, готовы были душить врага. Какое-то мгновение, считанные секунды, Москаль лежал на земле, держась за живот и лихорадочно размышляя, что делать. Вставать ни в коем случае нельзя, решил он, чтобы еще раз не подставить себя под вражескую пулю.

— Стреляй, Кушнирчук, стреляй! — хриплым шепотом приказал он инспектору.

Кушнирчук почему-то не стрелял. Тогда старшина стремительно поднялся с земли, выхватил у него пистолет.

Опоздал! В машине прозвучали один за другим два выстрела. Первым враг не сумел убить себя: выстрел лишь опалил висок, пуля задела черепную кость и, пробив крышу машины, вылетела наружу. Но второй пулей шпион размозжил себе голову. Белобрысое, заросшее щетиной лицо сразу же залило кровью. Стекая по рукам

и одежде, кровь хлынула на чемоданы со шпионским снаряжением, на доллары и фунты, разбросанные по ковру машины.

Старшина Москаль опустил пистолет, застонал и рухнул на землю. Теперь он чувствовал и боль, и головокружение, и тошноту, и дрожь в руках и ногах.

Ивану Ивановичу до конца стало ясно, что он доставил к границе преступников, и теперь он мог хотя бы частично искупить свою вину. Но такая мысль не пришла в его седую голову. Он трусливо отсиживался у костра даже в тот момент, когда старшина упал на землю тяжело раненный...

Колхозники окружили милиционера.

— Что с тобой, Москаль? — спросил подбежавший Горай.

— Ранен. Вези, друже, к доктору. На мотоцикле. Скорее!

Горай бросился к сараю, где стоял его мотоцикл. К счастью, машина оказалась послушной, несмотря на холодную ночь: завелась от первого же прикосновения ноги к стартерной педали.

Прогрев мотор, Горай подъехал к милиционеру, соскочил с седла, помог ему расположиться на заднем сиденье мотоцикла.

— Смотри же тут, Кушнирчук!.. — проговорил Москаль слабым голосом.

Старшина хотел еще что-то сказать, но раздумал, увидев хозяйку.

Мария Горай стояла на пороге дома, с ног до головы освещенная пламенем костра, босая, в простом домашнем платье, и с лицом, исполненным энергии и той гордой прелестью, которая так красит смелого человека.

— Чего же ты стоишь, голова? — закричала Мария на мужа. — Мчись во весь дух к доктору! Ну!

Горай осторожно объехал придорожную канаву по мостику и, выбравшись на автостраду, помчался в гору, в село, где была больница.

Прибыли сотрудники органов госбезопасности. Вместе с ними приехал и Стасик. Шпиона вытащили из дальнего угла на свет керосиновой лампы.

Майор, приехавший вместе со Стасиком, посмотрев на мальчика, спросил:

— Тот самый?

Стасик, нахмутив белобрысые бровки, кивнул:

— Он!

«Петро» повернул опухшее, в темных пятнах синяков лицо к Стасику, злобно усмехнулся:

— Жаль, что я тебя не придушил!

— Руки коротки, — проговорил мальчик на отличном английском языке.

Майор сделал знак солдатам с автоматами. «Петра» повели к закрытой, с зарешеченными окнами машине. Он шел, вскинув голову, выпятив грудь. Он старался держаться молодцом.

Ненадолго ему хватило такого молодечества. Около грузовой машины он увидел не автоматчиков, а обыкновенных штатских людей, колхозников горных районов. Он с удивлением вглядывался в лица пожилых и молодых верховинцев, освещенных светом костра. Они провожали его молча, но такими взглядами, что мороз пробежал по коже.

Удивлялся матерый шпион, глядя и на деньги, разбросанные вокруг «ЗИМа». Их топтали, будто это были обыкновенные бумажки.

Проходя мимо костра, «Петро» приостановился и внимательно посмотрел на склоненную седую голову Ивана Ивановича, на его морщинистое, преждевременно одряхлевшее лицо. Посмотрел, усмехнулся и пошел дальше. Шофер угрюмо, исподлобья взглянул на своего недавнего пассажира, шагавшего теперь к тюремной машине, и отвернулся.

Поднялась тоненькая полосатая жердь шлагбаума. Первой уехала машина, в которой конвоировали шпиона. Потом двинулся и черный, пробитый двумя пулями «ЗИМ». Управлял им Иван Иванович, но рядом с ним сидел офицер с погонами подполковника. Вслед за «ЗИМом» ушел колхозный грузовик. На дороге перед поднятым шлагбаумом остались теперь только те, кому никуда не надо было уезжать отсюда, кто был дома: карантинный инспектор Кушнирчук, Михаил Горай и его жена Мария.

Когда скрылся красный огонек последней машины, Кушнирчук снял фуражку, вытер рукавом влажный лоб, вздохнул и улыбнулся — впервые за эти несколько часов:

— Ну, Михайло, теперь не грех и закурить. Ой, бо-
же ж ты мой, как я хочу пососать сигарку!

Расположившись у костра, инженер и инспектор зады-
мили папиросами. Пламя костра, поддержанное хорошей
порцией сушняка, росло и росло. Все светлее и светлее
становилось вокруг, будто не обычный рассвет, который
приходит на землю каждый день в свое время, а огонь,
зажженный людьми, разгонял темноту ночи...

Д. С. ПИКО ПИТРАН

БАЛТИЙСКИЙ ЛЕД

I

Жил-был по соседству с энской заставой Вася Желудев, сын прачки Полины Степановны, стиравшей пограничникам белье, и маячного сторожа Федотыча, инвалида Отечественной войны. Родился Вася тут же, на берегу Балтики, в бревенчатом, почерневшем от старости домике со щербатой красной трубой и покосившимся крылечком.

Едва Вася начал самостоятельно передвигаться по прибрежным пескам Финского залива, среди гранитных валунов и просмоленных лодок, обсыпанных серебристой чешуей, и развешанных на кольях сетей, он уже стал желанным гостем и для рыбаков, и для матросов сторожевого катера, и для солдат-пограничников, и для лесорубов и лесников. Особенно крепко подружился он с пограничниками. Всех солдат на заставе знал по имени и по фамилии. Для него не было секретом, кто пулеметчик, кто стрелок, кто инструктор служебных собак. На правах первого друга Жени, сына капитана Холодова, на правах своего человека, старожила этих мест, он много раз на день заглядывал на конюшню, в собачий питомник, на спортплощадку, в баню. Вася Желудев любил копировать в незатейливой игре то, что повседневно делали пограничники: дрессировал щенка, по кличке Аврора, ходил в наряд, лежал в секрете на берегу ручья, преследовал нарушителя, изображать которого всегда выпадало на долю Женьки Холодова или его маленькой сестры Маши.

Играя в пограничника, Вася мечтал о том, чтобы поддержать в руках настоящий автомат, настоящую ракетницу, полежать под кустом в настоящем секрете, мчаться по следу настоящего нарушителя, взяв за поводок настоящую розыскную собаку, неслышно шагать по настоящей дозорной тропе, протоптанной вдоль настоящей границы. Вася много раз просился у пограничников побывать в наряде, хоть краем глаза посмотреть границу (морская проходит где-то на просторах Финского залива, а сухопутная — в ближайших лесах), но солдаты и капитан Холодов не вняли просьбам Васи. «Нельзя. Не положено. Выкинь ты это, брат, из головы. Не видать тебе границы как своих ушей, до тех пор пока не вырастешь». Вася слушал такие ответы год, два, три и не понимал, зачем надо ждать, когда он станет взрослым. Все, решительно все он умеет делать и теперь. Не хуже сержанта Бурмистрова. И как этого не видит капитан Холодов? Такой глазастый, умный, орденом награжден, а не видит, не понимает. И Вася решил доказать, что все ошибаются, считая его маленьким.

В середине короткого зимнего дня пограничники эпской заставы Бурмистров, Кругляк и Мокроступ погрузили на вместительные розвальни несколько добрых навильников лугового сена, полмешка овса, походную рацию, зачехленную для тепла оленьей шкурой, ящики с боеприпасами и продуктами, охапку березовых дров, лыжи, утепленную палатку и отправились нести службу в ледяных торосах Финского залива. Когда покидали землю, погода была сносная. Отъехали от берега десятков километров — и неожиданно подул резкий ветер, несущий с моря крупные хлопья тяжелого, мокрого снега. Скрылся берег с его черными лесами. Одна за другой пропадали в белой, густой мгле придорожные вешки с привязанными к ним еловыми лапами. Несмотря на это, Жук шел уверенно, звонко цокая подковами по ледяной дороге. Черный, без единого светлого пятнышка, конь постепенно обрастал белым мхом.

Правил Иван Мокроступ — сибиряк из украинцев-переселенцев, головастый, широкоплечий, с квадратными плечами. Не отворачивая от встречного холодного ветра свое скуластое лицо, он неторопливо пошевеливал вожжами. Ему были в привычку и этот пронизывающий до костей ветер, и густые снежные хлопья, слепящие глаза, и мрак посреди дня. Сибиряк молчал, и выражение его лица ясно говорило, что он готов переносить злую непогоду.

За спиной Мокроступа, в задке просторных розвальней, на душистом ворохе сена удобно устроился молодой пограничник Игорь Кругляк, черноволосый, смуглый южанин. Кругляк впервые привнимал участие в таком походе и потому чувствовал себя необыкновенно возбужденным. Ледяной простор залива, ветер, предвещавший бурю, снегопад, привычная к суровой зиме умная лошадь, вооруженные люди в полушубках — все это обещало необыкновенные приключения. Может быть, уже сегодня ночью удастся задержать какого-нибудь матерого нарушителя. Вдруг эта удача выпадет на его долю, на долю Игоря? После бешеной погони за шпионом, владеющим лыжами, как птица крыльями, связав задержанного, усталый, но счастливый, он вернется к товарищам и, небрежно кивнув

на своего пленника, скажет: «Быстрехонек оказался этот субчик. Петлял, точно матерый волк, но от меня все же не ушел, как видите». Товарищи будут пожимать руки, поздравлять с удачей, а начальник заставы объявит ему благодарность перед строем за отличное несение пограничной службы... Так думал Игорь Кругляк.

Третий пограничник, старший этой маленькой группы — Матвей Бурмистров шагал по дороге, положив руку на грядку розвальней и беспокойно оглядываясь по сторонам. Иногда он останавливался и сверял по компасу, правильно ли, в нужном ли направлении движется наряд. Во время этих остановок Мокроступ соскакивал на лед, направлял на лошади сбрую, вытирал ей соломенным жгутом морду, густо облепленную снегом, осматривал кладь в розвальнях, на месте ли она. Все это он делал молча и, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, быстро и ловко.

Игорь Кругляк, глядя на след полозьев, думал: что там внизу, под толщей льда залива? Вода и вода, сотни метров воды, кишашей рыбой, гигантские водоросли, гранитные скалы, бездонные впадины. Немало, должно быть, на дне Балтики, среди скал, обросших ракушками, рыболовных шхун, сторожевых катеров, подводных лодок, эсминцев, минных тральщиков, неразорвавшихся снарядов, авиабомб, сбитых самолетов. Как бы прогремел, прославился он, Игорь Кругляк, если бы придумал такую машину, которая находила бы на дне моря потопленные корабли и поднимала их на поверхность...

С подводного царства мысли Кругляка перенеслись на родной город Таганрог, к отцу и матери. Сидят они сейчас, наверное, в своем теплом, ярко освещенном доме, пьют чай с любимым клубничным вареньем и не представляют, где находится их Игорек, чем занимается. О, как он будет рассказывать им об этом своем необыкновенном путешествии, когда приедет домой, как они будут восхищаться его выдержкой, храбростью...

Ветер набирал силу. Гуще, непрогляднее, стремительнее были снежные тучи, несущиеся с моря. Жук шел осторожно, мягко ступая по льду.

— Ледолом загадывает! — прокричал, преодолевая ветер, Иван Мокроступ.

Это были первые его слова, произнесенные с тех пор, как пограничники покинули берег.

Игорь Кругляк огляделся по сторонам, будто впервые заметил и грозный ветер, и сырые хлопья снега, и преждевременные сумерки. Беспечно улыбаясь, он наклонился к Мокроступу и спросил:

— Ледолом, говоришь?

Мокроступ кивнул, полагая, что этим все объяснил. Нахлобучив на глаза белую заснеженную ушанку, он выжидательно смотрел на своих товарищей, одинаково готовый двинуться дальше, в самое пекло бурана, остановиться на ночевку здесь, посреди ледяной пустыни, или повернуть назад, к берегу.

— Пошел, черномазый! Чего остановился! — крикнул Кругляк на Жука.

Конь даже не пошевелился.

— Сейчас, сейчас... — сказал Мокроступ.

Он с виноватой поспешностью разобрал ременные вожжи не защищенными от мороза руками (кожаные на меху рукавицы торчали из кармана его полушубка), слегка пошевелил вожжами и чмокнул. Как ни слаб был этот звук, лошадь услышала его и пошла вперед.

— Постой, Иван! — сказал Бурмистров.

Голос его прозвучал еле слышно, неуверенно. Это была скорее просьба товарища, чем приказание сержанта. И потому Мокроступ не остановился. А может быть, он просто ничего не расслышал?

— Останови! — повторил Бурмистров.

Жук продолжал идти вперед.

Кругляк сидел спиной к лошади, лицом к Бурмистрову и хорошо видел, как сержант подал знак остановиться. Игорю Кругляку надо было только протянуть руку, хлопнуть коновода по плечу и передать ему приказание старшего. Но он этого не сделал. Он выскочил из саней, волоча за собой клочья сена, схватил Бурмистрова за плечо и бодро зашагал с ним рядом, стараясь попадать в ногу. Черная спина его полушубка медленно покрывалась снегом.

— Неужели хочешь повернуть назад? — взглянув в лицо Бурмистрова, спросил Игорь. — А как же приказ начальника?

Сутулясь и втянув голову в плечи, на которых лежало

столько снега, что даже погон не было видно, Бурмистров с досадой ответил:

— Да ты слыхал: ледолом!

— Ну и что еще? Испугался? — В голосе Кругляка прозвучала нескрываемая насмешка. — Поехали дальше, поехали!

Он вскочил в задок саней и, удобно устроившись, беспечно засвистел.

Мокроступ обернулся и, не останавливая лошадь, вопросительно посмотрел на Бурмистрова.

— Стой! — решительно сказал Бурмистров.

Мокроступ сейчас же натянул вожжи, чмокнул губами, и Жук перестал работать ногами.

Сержант подошел к саням, похлопал по ящику, обтянутому оленьей кожей:

— Разворачивайте, товарищ Кругляк.

Через минуту Игорь развернул рацию и, вооружившись наушниками, с улыбкой превосходства посмотрел на Бурмистрова:

— Я готов, товарищ сержант. Диктуйте.

— Сейчас. Подожди.

Бурмистров снял меховые рукавицы, вытащил из кармана полшубка блокнот, карандаш и набросал короткую радиogramму в адрес «Земли»:

«Погода ухудшается с каждым километром. Связи изменившейся обстановкой жду новых приказаний».

Ответа не пришлось долго ждать. Все так же насмешливо глядя на сержанта, Кругляк нарочито медленно, с мрачной торжественностью прочитал радиogramму начальника заставы капитана Холодова:

— «Действуйте по своему усмотрению. Решение доложите».

Бурмистров взял радиogramму из рук Кругляка, внимательно прочитал ее, аккуратно свернул, положил в карман и, не поднимая головы, проговорил глуховатым своим баском:

— Радируй: «Решили пока продвигаться вперед, выполнять поставленную задачу».

— Правильно! — воскликнул Игорь. — Вперед без оглядки!

Кругляк передал радиogramму и, свернув рацию, начал водружать ее на прежнее место, на дно саней. И тут, раз-

гребая сено, он увидел черные, обшитые автомобильной резиной валенки. Игорь сразу, с первого взгляда, узнал эти изрядно поношенные валенки. Несколько зим их носил маячный сторож Федотыч, потом, когда подрос Васька, валенки перешли к нему. Да, точно, это Васькины скороходы. Он и на лыжах в них ходит, и коньки к ним прикручивает, и на финских санках гоняет по ледяным дорогам, отталкиваясь одной ногой, а другой стоя на стальных полозьях. Как эти валенки попали сюда, в розвальни?

Игорь разгреб сено и схватил валенки, чтобы выбросить их на лед, изумить товарищей. Но не успел. Валенки вдруг обрели самостоятельность, поднялись со дна сани, перекинулись через плетеную кошевку и свесились над льдом залива. Потрясенный, Игорь Кругляк, медленно поднимая глаза кверху, увидел над голенищами валенок ноги в стареньких ватных шароварах, потом край потертого, в заплатках, полушубка, потом белобрысое смущенно-испуганное лицо мальчика, потом солдатскую ушанку с новенькой алой звездочкой на лбу, обсыпанную сеной трухой.

Игорь Кругляк всплеснул руками и изумленно закричал:

— Васька? Василий Федотыч?.. Братцы, видали вы такое чудо? — Кругляк повернулся к товарищам и весело рассмеялся: — Едем охотиться на нарушителя, а он уже тут...

Бурмистров, хмурия лоб, ошалело смотрел на Ваську Желудева.

Мокроступ деловито вытирал соломенным жгутом заснеженный круп лошади и время от времени бросал сочувственные взгляды в сторону белобрысого мальчика в огромных черных валенках и в полушубке с отцовского плеча.

Поборов растерянность, Бурмистров схватил Ваську за руку, больно сжал ее:

— Что же ты наделал? Да как ты осмелился на такое?..

Игорь Кругляк улыбнулся:

— Товарищ сержант, да разве Ваське Желудеву надо у соседей занимать смелости? У него армейская звезда на лбу горит.

Бурмистров строго посмотрел на Кругляка:

— Отставить шутки, товарищ Кругляк!

— Слушаюсь, товарищ сержант: отставить шутки.

Повернувшись снова к мальчику, Бурмистров взял его за подбородок, поднял голову:

— Зачем спрятался на дне саней?

— Хотел посмотреть, как вы охраняете ледяную границу, — бойко ответил Вася.

— И для этого совершил преступление?

— Какое же тут преступление, дядя Матвей?

— Я тебе не Матвей, — вспыхнул Бурмистров, — а ты мне не Васька! Ты обманным способом пробрался в боевое подразделение и за это будешь отвечать.

Мальчик улыбнулся одними опухшими от холода губами и ожидал ответной улыбки. Но лицо сержанта было строгим, чужим.

— Ты арестован, — объявил он.

Мальчик кивнул головой, и слезы одна за другой закапали на лед.

— Трогай вперед! — скомандовал Бурмистров. — Товарищ Кругляк, охраняйте нарушителя.

Отдохнувший Жук шел резво, оставляя на льду хорошо приметный след своих подков с острыми шипами и бросаясь в передок саней ледяной стружкой.

Мокроступ шагал рядом с лошадей, держа правую руку на оглобле и похлопывая время от времени Жука по разгоряченному крупу.

Игорь Кругляк устроился с Василием в задке саней, под защитой вороха сена.

И дорога со слабо накатанной санницей, и еловые вехи, и небо еще были видны, но берег уже потонул в белесой мгле.

Сержант шагал молча, сосредоточенно глядя себе под ноги. Снег вихрился все неистовее, хлестал и лошадь, и сани, и солдат, а лед был почти бесснежным — ураганный ветер вылизывал его начисто, гнал снег верхом, над заливом.

С запада, с той стороны, где протянулась граница льдов Финского залива и незамерзающего Балтийского моря, донесся грохот и треск, словно рушились и падали гранитные скалы. Там ломался лед под напором разъяренных волн, двинувшихся на мелководье, к земле.

Игорь толкнул локтем Васю и, наклонившись к его уху, спросил:

— Ну как, страшно?

Мальчик отрицательно покачал головой:

— Нисколечко. Это ледолом. Каждый год в эту пору начинается. Привыкли мы.

Игорь с сомнением посмотрел на мальчика, стараясь понять, храбрится он или в самом деле ему не страшен грохочущий ледолом. Лицо Васи было спокойно — наверное, и в самом деле привык к капризам Балтики. Тут он родился и вырос.

Кругляк позавидовал мальчику. Подняв воротник полушубка, он с угрюмой тревогой смотрел в ту сторону, откуда доносился грохот ледолома.

Игорю уже не хотелось ни насвистывать, ни петь, ни улыбаться. Долго ли выдержит он этот собачий холод? Пронесется ледолом стороной или нагрянет сюда, на пограничную дорогу? В пальцах ног, хотя они были в новых валенках, неприятно покалывало, сквозь какую-то щель полушубка забрался ветер, и начало знобить спину.

Откровенное раскаяние терзало сердце Кругляка: «Это я, дурак, помешал сержанту повернуть назад, к берегу!»

Он поплотнее обернул ноги сеном, прижался к спине Васи и заставил себя думать не о том, что его окружало. Одна за другой всплывали картины юношеской жизни — теплое, в сиянии солнца Азовское море, поездки в кубанские плавни.

Охваченный воспоминаниями, Кругляк согрелся и задремал. Проснувшись, испуганно встряхнул головой, приподнялся. Васи около него уже не было. Мальчик сидел в передке саней, рядом с Мокроступом и, держа в растопыренных руках вожжи, правил Жуком. По-видимому, он перебрался к коноводу давно, так как место, где он раньше сидел, уже побелело, густо припорошенное снегом.

Клейкий снег не пощадил и самого Игоря. Толстый слой его лежал на валенках, на полушубке, на ватных шароварах, на шапке и даже как будто на лбу и щеках. Игорю стало не по себе. Не замерзает ли он? Игорь пошевелил одной ногой, другой — нет, обе действуют нормально. Пощупал щеки, лоб, уши — все в порядке. Обрадовавшись, стал насвистывать с прежней бодростью. Но скоро

опять замолчал, смущенный сосредоточенностью товарищей. Они не обращали на него внимания ни тогда, когда он угрюмо безмолвствовал, ни теперь, когда снова оживился.

Вьюга плотно, со всех сторон, обступила сани; круп лошади едва виднелся. Покорный, выносливый Жук шел со все большей и большей осторожностью. Мокроступ и Вася не понукали его. Они дали вороному полную волю.

— Товарищ Мокроступ, поворачивай! — вдруг решительно приказал Бурмистров.

Игорь втайне обрадовался команде сержанта, но, боясь, что пограничники догадываются о его желании сейчас же вернуться на заставу, наперекор своему чувству насмешливо воскликнул:

— А как же все-таки с заданием?

— Поворачивай! — строго повторил сержант.

Вася остановил коня. Мокроступ ощупью, перебирая руками по грядке саней и по оглобле, вышел к голове лошади и увидел прямо перед собой большую полынью. Схватившись за уздечку, он начал осаживать коня назад.

Круто развернув заскрежетавшие стальными подрезами сани, Мокроступ направил лошадь на восток, к берегу. Никем не подгоняемая, она быстро побежала по льду.

— Уже домой? — с простодушным разочарованием спросил Вася.

— Домой, домой... Твое это счастье, между прочим.

Вася недоуменно промолчал. Какое же тут счастье? Только что выехали на лед залива, только встретились с настоящим ветром, только услышали гул ледолома — и сразу же повернули к берегу. Вот так пограничники! Не такими казались они Васе. Он привык думать, что они первые смельчаки на земле. Смелее рыбаков и лесорубов. Отважнее летчиков и танкистов. Почему же они испугались метели? Почему повернули назад?

Вася неприязненно вглядывался в пограничников, как бы ища ответа на свои вопросы на их лицах. Лицо Мокроступа с заиндевелыми бровями и ресницами, толстошеекое, с огромным, мясистым носом, с седыми от снега ноздрями, не выражало ни страха перед ледоломом и пургой, ни нетерпения, ни стремления как можно скорее выбраться на землю. Не было на нем и выражения геройства. Липо как лицо. Точно такое, каким бывало и там, на земле, ко-

гда Мокроступ направлялся в лес по дрова или к роднику за питьевой водой, поставив на сани дубовую бочку.

Не было никаких примет страха и у сержанта Бурмистрова. Он шагал по льду твердо, уверенно, как по каменным плахам пограничной заставы. Почему же он, если не боится ледолома, приказал повернуть назад? Зря ему присвоили звание сержанта. Вот если бы сержантом был Игорь, он бы не испугался, он бы повел свое боевое подразделение прямо в пекло бури. Самый веселый солдат на заставе — Игорь Кругляк. А как он поет, как танцует, как играет на гитаре!.. И на мотоцикле лучше всех гоняет. И плавает здорово. И в волейбол, и в футбол его никто не переиграет. И тут, на льду залива, он тоже первый. Мокроступ и Бурмистров угрюмо молчат, а Кругляк насвистывает какой-то марш и плюет с высокого дерева на ветер, на ледолом, на пургу.

Вася отвернулся от Бурмистрова, от Мокроступа и посмотрел на Кругляка. Тот будто почувствовал на себе взгляд мальчика и обернулся:

— Ну как, друг, живой?

Вася был счастлив, что Игорь заговорил с ним именно в тот самый момент, когда он особенно нуждался в этом.

— Живой! — воскликнул он.

Словно убегая от балтийской бури, Жук спешил к берегу. Бурмистров некоторое время бежал рядом с конем, потом завалился в сани. Отдышавшись, он наклонился к Мокроступу и с обычной своей усмешкой проговорил:

— Тише едешь, товарищ Ваня, — дальше будешь!

Мокроступ натянул вожжи. Предосторожность оказалась кстати: впереди в крошечной белой мгле послышались треск льда и шум воды. Конь остановился недалеко от края черной полыньи. Хлопья снега, падая в воду, покрывали ее густой рябью.

Бурмистров снял шапку, озабоченно поскреб затылок. Выскочив из саней, он подбежал к Жуку, около которого уже хлопотал Мокроступ. Пограничники в четыре руки распрягли лошадь. Мокроступ отпустил чересседельник, развязал супонь. Бурмистров снял отсыревший гуж, вывернул дугу и вывел из оглоблей дрожавшего и пугливо всхрапывающего коня.

Игорь Кругляк схватил рацию и растерянно топтался

около саней. Мальчик стоял рядом. В руках он держал тяжелый ящик с продуктами неприкосновенного запаса.

Кругляк, с откровенным страхом посмотрев на черную полынь, пробормотал:

— Надо просигналить. Разрешите, товарищ сержант?

Вася удивился: зачем сигналить? Разве из такой беды нельзя выбраться своими силами? Мальчик обрадовался, когда сержант сердито возразил:

— Успеем еще крикнуть «караул», не горячись! Засучивай рукава да принимайся за дело.

Бурмистров снял полушубок, кинул его в передок саней. Глядя на него, разделись Кругляк и Мокроступ. Их примеру хотел последовать и Вася, но сержант остановил его:

— А ты чего кудахчешь? Сиди на санях и не суй свой нос куда не положено... Ну, кому говорю? Марш на место!

Вася неохотно залез на ворох сена и обиженно затаился там.

Пограничники втроем осторожно подтолкнули сани к самому краю льда. Полынья была бесконечно длинной, но узкой, всего метра полтора. Разогнавшись, Бурмистров перепрыгнул через нее. Схватив оглобли, сержант скомадовал:

— Толкай!

Сани надежно, не зачерпнув воды, легли вогнутой частью полозьев на край соседней большой льдины. Задняя часть полозьев опиралась на прежнюю льдину, а весь центр саней находился над черной балтийской водой. Она была так близка, что Вася чувствовал ее сырой холод и слышал плеск под плетеным дном розвальней.

— Переходи на эту сторону! — командовал сержант.

Мокроступ, несмотря на свою неуклюжесть, легко перепрыгнул полынь, держа поводья в руках. Кругляк решил перебраться через пропасть без риска, по саням. Пробегая мимо Васи, сидящего на сене, он оперся о его плечо холодной, тяжелой рукой. Мальчику это прикосновение не понравилось. Он так судорожно дернулся в сторону всем телом, что потерявший равновесие Игорь чуть не свалился в полынь. Чертыхаясь, он соскочил на лед.

— Теперь Жука переправим, — сказал Бурмистров.

Но лошадь, не ожидая понуканья, уже сама направилась к полынье. Подойдя к воде, вороной захрапел и

взвился на дыбы. Прыгая, Жук поскользнулся на рваной кромке льдины и свалился в полынью. Вынырнув, он испуганно замотал головой и, храпя, поплыл вдоль ледяной толщи.

— Сюда, сюда! — закричал Мокроступ.

Как ни бился Жук грудью и передними ногами о лед, ему не удалось выкарабкаться из воды без помощи людей. Пограничники палкой подвели под брюхо коня крепкую веревку и с большим трудом вытащили его на лед. Жук вскочил, тяжело дыша и дрожа всем телом.

— Ничего, ничего, согреешься! — успокаивал вороного Мокроступ.

Рискуя навлечь на себя гнев сержанта, Вася соскочил на лед, сделал из сена крепкий жгут и неистово начал растирать мокрые бока лошади. Мокроступ вытирал Жука насухо огромным куском мешковины. Конь дрожал все меньше и меньше, кожа его становилась горячее.

— Теперь отправляйся на свое место, я один управлюсь. — Мокроступ грубовато подтолкнул Васю к саням: — Иди, иди! Позовем, когда понадобится.

Мальчик безропотно выполнил приказание. Он опять сидел на ворохе сена, подставив спину холодному снежному ветру и зорко оглядываясь по сторонам, готовый в случае нужды немедленно соскочить на лед и помогать Мокроступу или Бурмистрову. Игоря Кругляка он уже не принимал в расчет.

Сержант надел полушубок, достал со дна саней веревку, сложенную аккуратным калачиком. Разобрав ее, он один конец привязал к оглобле, другой обмотал вокруг себя. Прделав все это, он поднял глаза на Васю и сердито сказал:

— Ты чего торчишь, как ворон на колу? Садись пониже.

Вася сполз в задок саней. Тут, под защитой вороха сена, оказалось гораздо теплее, уютнее. Васе хотелось сказать об этом сержанту, но тот уже отошел от него.

Подняв воротник полушубка, упираясь коваными каблуками о лед и сдерживая откинутой назад спиной тугую волну попутного ветра, Бурмистров осторожно направился на восток, к земле. В его руках была длинная палка; ею он постукивал впереди себя по льду. Пройдя так несколько шагов, он исчез в белесой мгле.

Вася некоторое время смотрел на снежную стену, за которой пропал сержант, потом перевел взгляд на коновода. Вытерев Жука, Мокроступ накрыл его палаточным брезентом, прислонился щекой к его теплой атласной шее, устало закрыл глаза. Он еле держался на ногах.

Перед тем как отдавать приказ на охрану границы, начальник заставы, как обычно, спросил Мокроступа: «Не больны? Службу нести можете?» Солдат чувствовал легкое недомогание; его знобило, временами бросало в жар. Но так как он до сих пор, за все двадцать два года своей жизни, ни одного дня не пролежал в постели по болезни, не бывал даже в больнице, в санчасти, то, естественно, этой хворобе не придавал никакого значения, считая, что она скоро пройдет. Мокроступ ответил начальнику, что здоров, службу нести может. Так он поступил потому, что ему не хотелось отстать от товарищей, идущих на охрану самого трудного участка границы.

Но болезнь не прошла. Наоборот, с каждым часом она давала себя чувствовать все сильнее. Мокроступ не сдавался — делал все, что выпало на его долю в эти трудные минуты, стараясь ничем не выказать свое недомогание. Бурмистрову и Кругляку и в голову не приходило, что Мокроступ держится на пределе своих сил, что температура у него под сорок. И вот только сейчас, когда с Жуком случилось несчастье, он, почувствовав сильную слабость, стал терять над собой власть.

Веревка, привязанная к передку саней, туго натянулась, и заснеженная фигура сержанта возникла рядом с лошадью.

— Лед впереди целый, можно ехать дальше, — тяжело дыша и отряхиваясь от снега, проговорил он.

— Чего же ты прохлаждаешься, Мокроступ? Запрягай живее! — хриплым голосом закричал Кругляк.

При этом он раздраженно размахивал руками и с опаской поглядывал на черную полынью.

Мокроступ открыл глаза, посмотрел на суетившегося, перепуганного товарища. Ему стало стыдно минутной слабости, и он бросился запрягать коня.

— Отставить! — приказал сержант. — Игорь, птичка певчая, где ты потерял свой соловьиный голосок?

— Что? — Кругляк с изумлением смотрел на усмевающегося Бурмистрова.

Он решительно не понимал, как тот, находясь в таком бедственном положении, способен шутить.

— Не дошло? Разворачивай рацию! — серьезно и повелительно сказал Бурмистров.

Кругляк бросился выполнять приказание. Через минуту он уже настраивал передатчик. Сержант тем временем переобувался. Он с обстоятельной аккуратностью навертывал на ноги сухие фланелевые портянки.

— Готово! — доложил Кругляк.

— Передай: «Терпим бедствие».

В эфир полетел тревожный, понятный всем радистам мира сигнал: «SOS».

Больше Кругляк не успел передать ни единого слова: с оглушительным треском раскололась и эта льдина, на которой пограничники еще минуту назад чувствовали себя в безопасности.

— Вот видишь, что творится, а ты кричал «запрягай!»! — Бурмистров обулся и торопливо обошел значительно уменьшившийся островок, выбирая место для переправы.

Эвакуировались испытанным способом: приспособили сани под мост. И на этот раз большие хлопоты доставил Жук. Он упирался о лед стальными шипами подков, дрожал и никак не хотел прыгать через полынью. Ни уговоры, ни ожесточенные крики, ни даже подхлестыванье кнутом не могли сдвинуть его с места. И тогда счастливая догадка осенила Мокроступа. Он взобрался на лошадь, погнал ее вперед. Страх перед холодной водой, в которой он только что выкупался, не оставил Жука. Он храпел, взвивался на дыбы, но все-таки наконец, чувствуя на своей спине хозяина, решился прыгнуть. И прыгнул благополучно.

Соседняя льдина тоже оказалась островом, довольно большим и как будто надежным. Прошел час, другой, но она не раскалывалась.

Передав на берег радиограмму о своем положении и обстановке, пограничники натянули палатку, зажгли фонарь «летучая мышь». Ветер звонко хлестал снегом в набрякшие брезентовые полотнища, сотрясал до основания хрупкое сооружение. Невдалеке, слева и справа, трещал и ломался лед. Иногда ураган с такой яростью обрушивался на палатку, что, казалось, она вот-вот оторвется от

железных колышков и улетит. В такие минуты все наваливались на веревки, привязанные к полозьям саней, и давили на них тяжестью своих тел.

— Пронесло! — улыбнулся Бурмистров, когда ветер чуть утихомирился.

— Не похоже. — Кругляк, закрыв глаза, угрюмо прислушивался к тому, что творится за стенами палатки.

Мокроступ похлопал по брезенту с подветренной стороны, где должен был стоять Жук: там он или не там? Заметив беспокойство коновода, Вася вскочил и молча направился к двери.

— Ты куда? — строго спросил Бурмистров, преграждая мальчику путь к выходу.

— Жука посмотреть.

— Я сам. А ты отдыхай. Слышишь? Ложись и спи.

Сержант легко подхватил на руки Васю и осторожно бросил его на охапку сена, где лежал Мокроступ. Иван распахнул свой полушубок, накрыл одной полой Васю, прижал к себе. Какой он горячий, этот Мокроступ, — настоящая печка! И как хорошо пахнет — свежедубленной овчиной, лошадиной сбруей, дегтем...

Вася с удивлением спрашивал себя: почему он раньше не замечал, какой Мокроступ добрый и хороший? Почему Иван казался ему мрачным и злым? «Буду дружить только с ним», — думал мальчик, все теснее и теснее прижимаясь к солдату. Мокроступ — молодой солдат, но он чем-то напоминал Васе отца. Что-то отец сейчас делает?

Отправляясь в свое тайное путешествие, Вася написал на тетрадном листке: «Не беспокойтесь. Ушел в наряд с пограничниками на ледяную границу. Вернусь благополучно. До свиданья. Василий».

Свернув записку вчетверо, Вася положил ее в отцовский кисет. Интересно, что отец и мать говорили, прочитав письмо? Отец, конечно, покачал головой, усмехнулся и, наверное, сказал: «Ну и сорвиголова! Таким и я был в его годы». А мать рассердилась, заплакала и пригрозила: «Ладно, окаянный, вернись только, я тебе задам!»

«Пусть задаст как хочет, все стерплю», — подумал Вася, и его сердце наполнилось нежностью к матери, к отцу.

Ах, как хорошо дома, под родной крышей, на твердой земле! За окнами грозно гудит, гнется под ураганным ветром прибрежный лес, высоко, до нижних сучьев елей, под-

нимаются снежные сугробы, на стеклах толстый, непроглядный нарост льда, а в стареньком бревенчатом домике светло, тепло и надежно. Горит лампа под закопченным потолком. Напеваёт свою привычную любимую песенку изрядно помятый, но ярко начищенный самовар. Ладно и весело тикают ходики. Уютно трещат и стреляют искрами дрова в печке. На столе, накрытом старенькой клеенкой, дымит только что сваренная картошка. Вкусно пахнет свежий, теплый хлеб, выпеченный в русской печке. Мать, в синей кофточке и синей юбке, подняв очки на лоб, сидит на лавке в красном углу, вяжет чулки и, забыв о том, что делают руки, ласковыми глазами смотрит на отца, читающего книгу, внимательно слушает его. Слушает и Вася. Он сидит около матери, положив ей голову на колени, и, не мигая, смотрит на лицо отца — на его густые, без единого седого волоска усы, на черные-черные брови, на крупный, с горбинкой нос, на кирпично-красные щеки — и гордится, что отец у него такой красивый, что он бывший разведчик, воевал с первого до последнего дня войны, семь раз ранен, награжден тремя орденами и шестью медалями...

Так, с мыслями о родном доме, и заснул Вася. Его не могли разбудить ни голоса пограничников, ни громopodobные раскаты ледолома, ни смертельно испуганное ржанье лошади. Вася похрапывал во сне. Огненный румянец заливал ему обе щеки до ушей. Нижняя губа чуть отвалилась, открыв влажные чистые зубы. Наверное, первый раз в жизни Вася Желудев спал так крепко, так здорово и сладко.

III

В назначенный по расписанию час пограничники построили рацию и приняли с берега первую ответную радиограмму. Ее прислал не начальник заставы, не комендант, а начальник войск округа. Она была предельно краткой, но содержала все, в чем нуждались люди, попавшие в беду:

«Держитесь, не падайте духом. Принимаю все меры для спасения».

Бурмистров записал текст радиограммы. Переждав особенно свирепый порыв ветра, он прочитал ее вслух:

— «Держитесь... Принимаю все меры...»

— «Все меры», — угрюмо отозвался Кругляк. — Какие же, интересно? Сварят автогеном балтийский лед?

Бурмистров неожиданно рассмеялся.

— Чего хохочешь? — изумился Кругляк.

— Так... Подумал о том, что сказали на берегу, когда узнали про наше бедствие: «Так там же Игорь Кругляк, первый наш песенник, веселая душа. С таким не пропадешь при любой беде!»

Кругляк сердито запыхтел на своей охапке сена, ожесточенно чиркая отсыревшими, не желающими зажигаться спичками.

— Дай-ка сюда!

Бурмистров взял у Кругляка коробок, и через секунду в палатке вспыхнул уютный малиновый огонек.

— Прикуривай! — добродушно сказал сержант, с любопытством вглядываясь в осунувшееся, позеленевшее лицо Кругляка, в его глаза, тревожно блестевшие в глубине больших темных орбит.

Кругляк закурил, гневно пыхнул струей дыма:

— Да не про то я сказал, о чем ты подумал, а совсем про другое. На помощь рассчитывай, а сам не плошай. Вот!

— А! Это совсем другое дело. Плошать мы действительно не должны. Ложись-ка, Кругляк, спать. Успокойся.

— Правильно, этак лучше. — Игорь демонстративно отвернулся от сержанта и уткнул лицо в душистое сено, изобразив полную готовность спать крепко и безмятежно.

Бурмистров молча, с добродушной улыбкой смотрел на поднятые оглобли, смутно чернеющие на фоне густо заиндевелога полотнища, ожидая, что Игорь снова заговорит. Он был уверен, что тот не заснет.

И в самом деле, Кругляк скоро поднялся и, опираясь на локоть, тревожно, с обидой в голосе сказал:

— Чего ты, сержант, ко мне начал придирааться? Скажи прямо. Нос мой не нравится? Глаза не на том месте? Голос...

— Спи. Завтра все тебе доложу.

— Нет, ты сейчас!

В палатке послышался шум. Мокроступ, тяжелый и неловкий, вылезал из саней. Вытянув руки, болезненно щурясь на огонь «летучей мыши», он искал завязки на

фартуке дверок палатки, тыкаясь пальцами в холодный, обросший снежным мхом брезент. Глаза его были красные, с набрякшими веками.

— Ты чего, Иван?

— Хочу коня проверить.

— Отдыхай, на месте твой Жук. Я недавно смотрел. Успокоившись, Мокроступ влез в сани, лег рядом с Васей, завалил себя и мальчика сеном и снова притих.

После полуночи, в обусловленный графиком час, из штаба поступила новая радиограмма. Генерал сообщал:

«Для вашего спасения вышел ледокол».

Кругляк уснуть не мог. Он украдкой, из-под согнутой руки, наблюдал за сержантом, которого освещал желтоватый огонь фонаря. Русоволосый, с белесыми бровями северянина, краснощекий, обветренный, он спокойно сидел на корточках перед рацией и, положив на согнутое колено тетрадь в клеенчатом переплете, записывал радиограмму.

Кругляку мучительно хотелось узнать, о чем радировали с «Земли», но он терпеливо молчал.

Бурмистров перехватил его взгляд:

— Привет тебе, Игорь, от генерала. Выслал за твоей драгоценной персоной ледокол.

Кругляк закрыл глаза и, ничего не ответив, отвернулся.

Бурмистров выключил радию, отстегнул брезентовую дверь и вышел на лед.

Буран клокотал густым снегом, теперь сухим и колючим, будто песок. С наветренной стороны палатки поднимался большой ребристый сугроб. То вдали, то совсем близко, то глухо, то со звоном трещал лед. Сквозь завывание ветра доносились гулкие удары — свирепствовали штормовые волны, сталкивались льды.

Жук тихонько заржал, когда к нему подошел Бурмистров. Он был весь белый, закуржавел; чернела только морда, и радужно, почти по-кошачьи, горели в темноте глаза.

— Что, Жук, страшно? Еще бы! А ты не бойся, не бросим. На ледоколе для всех места хватит. Понятно? — Сержант потрепал коня по теплой морде и скрылся в палатке.

Мокроступ и Вася, прижавшись друг к другу, спали.

Игорь лежал вверх лицом, смотрел остановившимися глазами в подбитый толстым слоем изморози брезент и курил махорочную самокрутку.

— Ложись, сержант, поспи, я подежурю, — не меняя позы, проговорил Кругляк.

Бурмистров покачал головой:

— Нет, Игорек, мое дежурство кончится на «Земле». Спи, не беспокойся обо мне.

Выкурив еще одну самокрутку, Игорь все-таки уснул. Бодрствовал один Бурмистров. Он часто, каждый час, выходил из палатки, осматривал льдину, прислушивался к ледолому и время от времени посылал в адрес «Земли» скупые радиодонесения:

«Держимся. Все в порядке».

Всю ночь не утихал снегопад, дул ветер, грохотали льды, но ледяной остров пограничников все еще держался. Под утро о замерзший брезент палатки забарабанил тяжелый, крупный дождь. Под полозьями саней заблестели лужи.

В 6.00 Бурмистров принял радиogramму. Разбудив товарищей, он прочитал:

— «Ледокол продвигается с большим трудом. При первой возможности высылаю самолет. Будьте готовы к эвакуации по воздуху».

Новое сообщение не обрадовало Кругляка. Он усмехнулся и безнадежно махнул рукой.

— Жди в такую погоду возможности! — сказал он. — Придется на санях плыть на дно морское...

Вася Желудев, проснувшись, протирал глаза, слушал сержанта, смотрел на Кругляка и ничего не понимал, о чем они говорили. Откуда и от кого получена радиogramма? Куда ледокол продвигается с большим трудом и кто должен быть готов к эвакуации по воздуху?

Мальчик тихонько толкнул Мокроступа локтем и шепотом спросил:

— Где мы? На льдине?

— Угу. Генерал ледокол за нами выслал и самолет приготовил. Ну, как спал?

— Хорошо.

— Есть хочешь?

— Хочу. Очень.

— Ну, так живо вставай, умывайся, и будем питаться солдатским сухим пайком.

Пока позавтракали, наступило утро. Но солнце не показалось на небе. Да и неба как следует не было видно. Тяжелые, черно-свинцовые тучи ползли низко, чуть ли не у самого льда залива. Дождь сменился колючей крупой, потом рыхлым, водянистым снегом. И только ветер был постоянен — он дул с одинаковой силой, и всё с моря. Не изменили тяжелого положения пограничников и вечер, и ночь: волны без устали рушили лед, гнали к берегу большую воду.

С «Земли» несколько раз запрашивали пограничников о самочувствии и обстановке на льдине. Бурмистров скупо, одним словом докладывал:

«Держимся».

Утром следующего дня Кругляк поднял голову и, не вылезая из саней, глядя на Бурмистрова исподлобья, решительно заявил:

— Надо самостоятельно пробираться к берегу.

Мокроступ укоризненно покачал головой и молча принялся разжигать костер. Вася усердно помогал ему: выбирал чурки посуше, позвончее, березовые, с берестой. Слова Кругляка не удивили мальчика. Он давно, еще вчера, твердо решил для себя, что на Игоря нельзя положиться, что от него можно всего ожидать. Так и вышло.

Сержант Бурмистров вдруг схватил мальчика за воротник его старенького отцовского полушубка, поставил на ноги:

— Вася, ты слышал, что сказал Игорь?

— Слышал.

— Ну и как ты думаешь, правильно или неправильно он сказал?

— Неправильно, — твердо ответил Вася.

Сержант усмехнулся:

— Слышал, товарищ Кругляк? Даже пионеру ясно, что ты дурак. До чего ты додумался, голова? Куда пойдешь, если вода кругом?

— Пробьемся на какой-нибудь попутной льдине. Сани, лошадь и все барахло бросим. У нас сейчас одна боевая задача: спасти свои жизни! — с полным убеждением в своей правоте проговорил Кругляк.

— Ого!

— Да. Прочитай еще раз радиogramмы. Там ясно сказано между строк, что человек дороже всего на свете.

— Это верно, жизнь — самое дорогое, что есть у человека, но беречь ее тоже надо с умом. Так, Вася, или не так?

Вася Желудев, насквозь продымленный, в расстегнутом полушубке, с красными от холода руками, кивнул:

— Помирать нам рановато. Можно и подождать!

Бурмистров вдруг взглянул на Кругляка и рассмеялся:

— Вот не думал, что ты такой...

Кругляк приподнялся на локте, обиженно и гордо посмотрел на Бурмистрова:

— Да, я «такой»!

— Ладно, Игорь. Вернемся на «Землю», там разберемся, кто из нас был прав. Спи!

Сержант хотел прикрыть солдата сеном, но Кругляк молча оттолкнул руку Бурмистрова. Выскочив из саней, он взял свой автомат и вещевой мешок с запасом продуктов.

Мокроступ бросил костер и презрительно посмотрел на товарища, но не сказал ни слова.

Молчал и Бурмистров. Он понимал, что всякая попытка облагоразумить Кругляка только обострит его упорство. Надеялся, что тот образумится сам. Если не сейчас, то позже, выйдя на лед, в темноту.

Вася широко раскрытыми глазами смотрел на Бурмистрова и Мокроступа и удивлялся, почему они оба молчат, почему прямо не скажут Игорю, что он шкура, дезертир? Почему не обезоружат, не свяжут ему руки?

Кругляк долго — пожалуй, слишком долго — собирался: сменил валенки на сапоги, приторочил к ремню запасные диски, поднял воротник полушубка. Все было готово, а он не уходил, озабоченно оглядывая палатку.

— Ты что, рукавицы ищешь? — спросил Мокроступ. — Потерял ты их. На вот мои. — Он вытащил из кармана кожаные на меху рукавицы, похлопал одна о другую. — Бери!

Вероятно, Мокроступ впервые в жизни произнес такую длинную речь — и напрасно.

— Не нуждаюсь я в твоих рукавицах! — вспылил Кругляк и выскочил из палатки.

Мокроступ просунул голову в дверную щель, озабоченно посмотрел на удаляющегося солдата.

— Ошалел парень от страха, — сказал Иван. — Все-таки надо его силой вернуть. Разрешите, товарищ/сержант?

— Сам вернется!

Мокроступ вздохнул и неторопливо уселся на свое место в сани, рядом с Васей, обнял его и ласково спросил:

— Не замерз?

— Нет, не замерз. А вы дрожите. Вам холодно?

— Да, брат, холодно. Но не от мороза, а вот от этого... — Он посмотрел в ту сторону, где исчез Игорь Кругляк. — Понимаешь?

Вася энергично и, пожалуй, чуть-чуть с обидой закивал головой. Конечно, понимает, он давно уже не маленький!

Ветер хлопал незастегнутой дверью, бросая в палатку снег, но ни Бурмистров, ни Мокроступ, ни Вася не закрывали ее. Они прислушивались к вьюге и как будто чего-то ждали.

— Слышишь? — Мокроступ вскочил, подбежал к двери.

Даже сквозь ураганный ветер и грохот льдов доносился голос человека. Он звучал на одной предельно высокой ноте — отчаянно взывал, умолял.

Пограничники схватили связку веревок, багор, туго набитый сеном мешок и выскочили из палатки. Вася побежал вслед за ними, но сержант, сердито прикрикнув на него, приказал оставаться в палатке.

— Разожги пожарче костер, — посоветовал мальчику Мокроступ.

Пограничники скоро вернулись с Кругляком, неся его на руках. Весь он был покрыт ледяным панцирем, дрожал и стучал зубами. Втащив ледяную куклу в палатку, Бурмистров и Мокроступ положили ее у жаркого костра, обломали на ней лед, сняли верхнюю одежду, положили в сани и стали энергично растирать, затем прикрыли шубами и сеном. Кругляк лежал молча, чуть дыша.

...К исходу третьих суток буря начала затихать. Вечером снег совсем перестал, а ночью вдруг открылось небо — высокое, обсыпанное яркими звездами.

Утром, едва рассвело, пограничники услышали гул

— Не нуждаюсь я в твоих рукавицах! — вскрикнул Кругляк...

мотора. Выскочив из палатки, они увидели в темно-синем небе самолет. Он летел сторовой невдалеке. Мокроступ и Вася замахали шапками, закричали:

— Сюда! Сюда!

Бурмистров вытащил на лед рацию, торопливо настроил ее на позывные пилота:

«Я вас вижу! Я вас вижу! Берите правее. Берите правее».

Самолет, сделав круг над льдиной, где были люди, пошел на посадку.

В течение нескольких минут ледяной лагерь перестал существовать. Вместительный самолет принял на свой борт палатку, оружие, боеприпасы, радиостанцию, все солдатское снаряжение. На льду остались только сани с поднятыми оглоблями, с ворохом увязанного сена и черный, с хомутом на шее и уздечкой на заиндевелой морде Жук. Он не был привязан.

Вася первый раз сидел в самолете. Никогда он не видел его так близко, изнутри, как сейчас, но ему было не до того, чтобы разглядывать самолет. Он ничего не видел вокруг себя, кроме заиндевелой морды лошади. Жук стоял неподалеку от самолета и огромными глазами, полными немой тоски, смотрел на людей. Ах, как ясно понимал Вася то, что выражали эти глаза: «Улетаете? А как же я?»

Вася не видел, как самолет стартовал, как отрывался ото льда, как делал разворот над бывшим лагерем. Мальчик плакал, уткнувшись в колени Мокроступу. Украдкой вытер набежавшую слезу и суровый сибиряк.

Взошло большое, не по-зимнему яркое солнце. Широкая солнечная дорога легла через весь ледяной остров, от полыньи до полыньи. По этой дороге вслед за убегающей тенью самолета и устремился оставшийся в одиночестве Жук. Длинная черная его грива развевалась по ветру. Кованые копыта высекали ледяные искры. Добежав до края льдины, он остановился, поднял голову и заржал.

Мокроступ, Бурмистров и Вася неотрывно смотрели на холодный простор балтийских льдов, среди которых долго чернел, уменьшаясь и уменьшаясь, Жук.

Когда он наконец исчез, сержант закурил и, размахнувшись, сильно ударил по плечу Васю Желудева.

— Ну, гражданин нарушитель, «Земля» приближает-

ся, готовьтесь к ответу! — усмехаясь, проговорил Бурми-
стров и покосился при этом на сутулую спину Кругляка.

Игорь вздрогнул при последних словах сержанта. С тех пор как забрался в кабину самолета, он не произнес ни единого слова, ни разу не взглянул на товарищей, не оглянулся на балтийский лед. Он сидел у окна, подняв воротник полушубка, нахлобучив шапку до бровей, и не сводил задумчивого взгляда с берега.

«Земля» быстро приближалась. «Земля», где надо было держать ответ за дни и ночи, прожитые на льдине. Спрос будет суровым, беспощадным. Но Игорь этого не боялся: верил, что люди, вытащившие его чуть живого из полыньи и отогревшие своим теплом, не затопчут, не заклеят, наоборот — направят все свои душевные силы, весь свой справедливый гнев на то, чтобы помочь ему высоко подняться над тем Кругляком, который тонул в черной балтийской воде.

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Ольга по привычке проснулась между тремя и четырьмя часами утра, но на этот раз она не в силах была сразу, как обычно, подняться: постель была такой мягкой и теплой, а на улице немилосердно завывала метель. Лежала свернувшись калачиком, прислушивалась к дыханию Андрейки и ни о чем не думала, наслаждаясь последними минутами редкого в ее напряженной трудовой жизни отдыха.

У порога зашевелился на своей подстилке Баян. Цокая когтями по сосновым половицам, он подошел к кровати, на которой спала Ольга, схватил зубами одеяло и дернул его.

Ольга оттолкнула собаку локтем, перевернулась на другой бок. Но не так-то легко было отделаться от Баяна! Он сел на задние лапы, поднял голову и залаял.

— Ладно уж, встаю, замолчи! — Ольга поднялась, свесила ноги с кровати, пошарила ими по полу. — Где мои шлепанцы? Найди!

Ей не пришлось повторять просьбу: собака уже метнулась к умывальнику, где стояли туфли.

— Молодец!

Ольга оделась, включила свет и, накрыв потеплее Андрейку, подошла к окну. Поставив на подоконник зеркало, она начала причесываться.

Баян сидел у порога. Наклоняя голову то влево, то вправо, поднимая попеременно лапы, он смотрел на хозяйку и тихонько повизгивал — на этот раз от восторга перед предстоящей большой прогулкой. Ольга всегда, отправляясь в ночной обход своего участка пути, брала Баяна. Он был не только ее спутником, но и хорошим, верным сторожем.

— Ну чего, глупый, радуешься? — Причесав волосы, Ольга подошла к собаке, потрепала ее по серебристой шее, перехваченной кожаным ошейником. — Погода-то какая на дворе, знаешь? Лежал бы себе дома, не мерз... — Баян подскочил, лизнул Ольге руку. — Пошел вон, дурень!

Баян и не подумал никуда уходить. Он преданными глазами смотрел на хозяйку, высунув розовый шершавый язык и скаля ослепительно белые зубы.

Вдруг Баян насторожился и, наострив уши, подозрительно уставился на черное незанавешенное окно и зарычал. Шерсть на шее вздыбилась.

— Чего петушишься, герой? Не узнаешь? Свои там, пограничники. — Ольга усмехнулась, и глаза ее лукаво прищурились, потеплели. — Может быть, Миша идет... Понимаешь?

Нет, Баян ничего не понял. Он все рычал. Вдруг подбежал к окну, положил на подоконник передние лапы и гневно, во весь голос залаял.

Ольга с удивлением посмотрела на окно. На кого он

так злится? Наверное, заяц или лиса на приманчивый огонек пришли. А может быть, волк вокруг козьего хлева бродит? Ну и пусть себе, не прогрызет брёвна.

Баян не увимался. Его лай разбудил Андрейку. Мальчик вскочил на постели.

— Кто там? — спросил он испуганно. — Почему Баян рычит?

— Так, делать ему нечего, — беспечно ответила Ольга. — Заткнись, горластый!

Пес неохотно замолчал и обиженно улегся на своей подстилке, глухо ворча.

Ольга подошла к окну и, приставив ладони с обеих сторон лица, всмотрелась в темноту. В вихрях снега ей показалось, что среди молодых березок на ближнем пригорке чернели фигуры людей. Ольга взглянула на створки рамы и упрекнула себя за то, что до сих пор не удосужилась закрыть окно по-зимнему, заклеить щели бумагой, положить на подоконник валик ваты.

Никто не появлялся. Подождав, Ольга поняла, что ошиблась: за людей она приняла сломанные бурей осины. Надо поплотнее прикрыть окно. Набрякшие влагой створки никак не хотели вставать на свое место. «Ладно, устрою потом», — подумала Ольга, отошла от окна и начала одеваться.

Мальчик лежал с открытыми глазами, беспокойно наблюдая за ней.

— Ты куда, Оля? — спросил он, покосившись на черное мокрое окно.

— На работу. Спи, Андрюша.

Он облокотился о подушку, положил на ладонь измятую румяную щечку:

— Мама, ты Баяна не бери, ладно? Я буду бояться без него.

— Хорошо, не возьму.

Баян, как только мальчик назвал его имя, равнодушно пробежав мимо хозяйки, устремился к детской кровати и с победным видом улегся у изголовья.

— Оля, ты поскорее приходи, ладно? — уже спокойно проговорил мальчик.

Андрейка называл Ольгу то просто Олей, то мамой, то мамой Олей. Он был ее родным единственным братом. Их отец и мать погибли в годы войны. Ольга, сама еще почти

девочка, осталась с Андрейкой на руках в деревне, куда ее отослал отец, отправляясь на фронт. Она пронесла брата невредимым через все болезни, голод и скитания. В пятнадцать лет она уже не боялась никакой работы, умела за себя постоять. После войны вернулась в Выборгские края, где когда-то жила вместе с родными. Друзья отца определили ее в путевые обходчицы. На этой работе девушка и задержалась, потихоньку, изо дня в день готовясь к экзамену в техникум.

Ольга зажгла фонарь, протерла стекла чистой тряпочкой, надела поверх телогрейки брезентовый плащ с капюшоном и направилась к выходу. Баян вскочил и, опередив хозяйку, грудью распахнул дверь и ринулся в темноту.

— Куда, Баян? Назад! Останешься дома. Слышишь? На место!

Баян неохотно вернулся.

Ольга вышла и остановилась на занесенном снегом крыльце, осваиваясь с темнотой.

Баян визжал за дверью и царапал ее когтями. Слышался и голос Андрейки, ласково-отчаянный, пытавшийся задобрить собаку.

Неприветлива была северная ночь: дул порывистый и холодный ветер, сыпался снег; тяжелые тучи волочились по вершинам черных лохматых елей; причудливых форм сугробы тускло светились на теневых склонах гранитных скал. Из-за границы долетали гудки маневровых паровозов — маломощные, писклявые, тотчас же бесследно пропадавшие в глуши пограничных лесов и болот.

Вот в такую ночь, говорят, погиб Максим Капустин, отец Ольги, дорожный мастер в мирные годы, сапер-гвардеец — в военные. Похоронили его недалеко от моста, который он строил.

Ольга вздохнула, надвинула на голову капюшон и не спеша, давно усвоенным шагом, с фонарем в одной руке, с большим гаечным ключом в другой, направилась по высокой насыпи железнодорожного полотна, привычно исполняя несложное свое дело путевой обходчицы. Неяркий луч скользил по головкам рельсов, ощупывал на стыках стальные накладки, болты и гайки — все ли в порядке.

Струя ветра донесла до Ольги хруст щебенки. Остановилась. Прислушалась. С тыла по направлению к границе шли два человека. Ольга откинула капюшон, поправила

сбившийся платок и пошла быстрее, заранее радуясь встрече с пограничниками. Конечно, это они. Кто же еще, кроме них, может в это время появиться здесь, в пограничной полосе?

Люди, охранявшие рубеж Советской земли, их суровый, опасный труд, беспрестанные тревоги — все это стало неотъемлемой частью жизни Ольги с тех пор, как она поселилась на границе. Просыпаясь, она подходила к окну, откуда хорошо была видна крыша заставы. Первые лучи солнца освещали красную черепицу, из высокой трубы кухни валил густой белый дым. И при одном только взгляде на этот дом у Ольги становилось теплее на сердце. Все, чем теперь скрашивалась ее тихая жизнь, шло оттуда, от друзей-пограничников. Встречаясь с ней, они приветливо улыбались, ободряли веселой шуткой. В свободные минуты пограничники, как верные друзья, заходили в будку путевой обходчицы, дарили ее Андрейке какую-нибудь книгу с яркими картинками, печенье, ириски, чинили электрический уют, читали письма, полученные из дому. Ольга, не прилагая к тому никаких усилий, знала многие сердечные тайны пограничников. Они, в свою очередь, были в курсе ее больших и малых дел, знали ее самые заветные думы, ее заботы.

Случилось так, что сержант Копыленко чаще, чем другие, бывал в доме у Ольги. Это он однажды принес щенка и торжественно вручил его Андрейке. И сержант навсегда пленил сердце мальчика. Копыленко, бывая в доме Ольги, играл с ее братом в шахматы, читал ему сказки, делал пастушьи дудки, деревянные сабли, дрессировал Баяна.

На Ольгу он, казалось, не обращал внимания, словно ее и не было в доме. Если же она заговаривала с ним, он отвечал на ее вопросы сдержанно, не поднимая головы. Ольге нравились и эта робость парня, и его дружба с Андрейкой. В общем, ей все нравилось в Копыленко: голос, походка и то, как он носит свое обмундирование — лучше всех на заставе. Донесется ли на вечерней заре от казармы пограничников песня — его, Михаила, голос чудится Ольге. Прогремит на границе выстрел — Ольга думает, что Копыленко — обязательно Копыленко! — вступил в бой с нарушителем. Услышит в темноте шаги пограничников — ждет встречи с Мишей Копыленко.

Но он никогда не видел этого, казалось Ольге — не чувствовал. Сколько раз, глядя с грустной улыбкой на то, как Копыленко, забыв про все на свете, сражается с Андрейкой в шахматы или делает бумажных голубей, она мысленно укоряла его: «И чего тебе, глупый, еще надо от меня? Люблю ведь, люблю, как и мать родная тебя не любила. Куда хочешь пойду за тобой. Что хочешь, то и сделаю, чего надо, того и добьюсь. Шаг в шаг с тобой пойду: ты будешь учителем, инженером или агрономом — не отстану, догоню, поравняюсь с тобой».

Иногда, в самые острые минуты тоски, на Ольгу находила решимость, и она готова была высказать вслух, прямо глядя в глаза Копыленко, все то, чем томилась днем и ночью. Всегда в таких случаях в самый последний момент пересиливала гордость, и Ольга молчала. Но с каждым разом гордость побеждала все с бóльшим и бóльшим трудом. Рано или поздно, чуяло сердце Ольги, она во всем признается Михаилу. А он? Как он примет ее любовь? Пусть удивляется, пусть сгорит со стыда, пусть посмеется, — все равно она не станет больше молчать...

Люди быстро приближались.

Две высокие мужские фигуры появились из снежной темноты.

— Кто идет? — Незнакомый голос прозвучал хриловато, сердито.

— Свои! — откликнулась Ольга, не сбавляя шага.

— Кто это «свои»?

— Путевая обходчица Капустина. Что, еще не слышали про такую? Новички?

Каждого старослужащего заставы Ольга знала не только в лицо, но и по голосу. Она подняла фонарь, чтобы получше рассмотреть лица молодых пограничников... Неожиданный резкий удар палкой вышиб из рук девушки фонарь. В то же мгновение еще один удар обрушился на голову. Ольга упала, но сознание не потеряла. И самообладание не покинуло ее. Она сразу поняла, что произошло, и притворилась оглушенной.

Сильные руки срывали с Ольги плащ, связывали ее веревкой, затыкали рот тряпкой и доставали из кармана телогрейки документы. Один из напавших, прерывисто

дыша водочным перегаром и чесноком в лицо Ольги, хриплым шепотом сказал:

— Может, прикончим?

— Не надо! — повелительно ответил другой. — Надолго онемела.

Ее понесли. Через несколько шагов бросили на крутой откос железнодорожной насыпи. Покатилась вниз, ударяясь головой о твердые комья мерзлой земли и раздирая лицо острыми сучьями кустарника.

Ни крика, ни стона не донеслось со дна мшистого болотца, куда попала Ольга. Она не шевелилась, хотя страшной болью налилась голова, хотя щеки и губы обжигали солоноватые струйки крови.

Снизу, с болотца, в мерцающем свете зимней ночи ей хорошо были видны выпуклая линия железнодорожной насыпи и темные фигуры людей, напавших на нее. Они стояли между рельсами, широко расставив ноги, и о чем-то тихо разговаривали. Потом к ним присоединился еще один — в плаще с капюшоном, с зажженным фонарем в руке. Коротко посоветовавшись втроем, разошлись: двое исчезли в кустах, а третий медленным шагом, постукивая гаечным ключом о головки рельсов и равномерно помахивая фонарем, направился по маршруту, который Ольга проделывала несколько раз за свою рабочую смену.

Третий человек, как определила Ольга, была женщина. Ольга догадалась, что под видом путевой обходчицы она пошла в сторону границы и через сорок минут будет у самого рубежа, у полосатого шлагбаума. Еще один шаг — и чужая сторона...

Ольга рванулась всем телом, чтобы вскочить и бежать, бежать к пограничникам. Веревка была туго затянута на ногах и руках, заломленных за спину, и Ольга смогла лишь принять сидячее положение. Холодная вода от растаявшего снега стекала с растрепавшихся волос. Зубы стучали. Ольга тряхнула головой, и перед глазами чуть-чуть просветлело: стали видны небо в тучах, черные вершины деревьев, железнодорожная насыпь и кряжистая фигура, спокойно движущаяся по полотну. Как ее остановить? Как подать сигнал пограничникам?

Прежде всего Ольга решила освободиться от душившей ее тряпки. Подползла к голому кусту и, выбрав кривой крепкий сук, подцепила им тряпку, выдернула ее изо рта.

К ним присоединился еще один — в плаще с капюшом...

Дышать стало сразу свободнее. Осторожно, чтобы не зашуметь смерзшейся одеждой, Ольга легла на спину, перевернулась на левый бок, потом на грудь, еще на правый бок и снова на спину. Так расчетливо, сантиметр за сантиметром, она катилась, держа направление к заставе. Небольшие кусты подминала под себя, большие оставляла в стороне.

Выбравшись на ровную полянку, девушка остановилась. Пот струился по лицу, заливал глаза. Голова кружилась — мелькали деревья, небо дыбилось косым черным парусом.

Ольга зажмурилась и до хруста в челюстях сжала зубы. Через минуту она открыла глаза. Все по-прежнему твердо стояло на своих местах: лес, валуны, кустарники. Теперь можно двигаться дальше.

Со стороны границы послышался шум поезда. Ольга подняла голову. Чей это поезд? Наш или с той стороны? Может быть, эти двое, что скрылись в кустарнике, развинтили гайки на стыках рельсов?

Тревога Ольги росла по мере приближения поезда. Вот из-за поворота показался паровоз с тремя фонарями — два тускловатых буферных и один яркий, прожекторный.

Длинный состав иностранных платформ, груженых штабелями досок, прошумел мимо безмолвной Ольги по гулкой хребтине насыпи, стряхивая с кустов и деревьев снежные комья, обдавая смолистым запахом свежераспиленного дерева. Красные хвостовые сигналы медленно растворились во мраке.

Проводив поезд глазами, девушка, перекатываясь по снежным сугробам, продолжала свое мучительное, медленное движение к заставе, раздирая одежду и тело об острые камни и мерзлые сучья.

Долгий путь предстоял Ольге. Через час она добралась бы до широкой бетонной трубы, заложенной под железнодорожной насыпью для пропуска весенних и осенних вод. Еще через час отдыхала бы среди глыб взорванного дота. Рассвет застал бы ее перед первым проволочным ограждением. Восход солнца встретила бы возле скалы с вершиной, похожей на оленью голову. И только к вечеру, когда нарушитель был бы уже давно на той, чужой стороне, добралась бы до пограничной заставы.

Все эти подсчеты Ольга способна была хладнокровно

произвести потом, через три дня, лежа в госпитале. Тогда же, в ту ночь, она считала по-другому: была уверена, что успеет добраться до погранзаставы раньше, чем нарушитель — до границы.

Снегопад прекратился. Ветер угнал тучи к Балтийскому морю. На высоком небе одна за другой прорезывались зеленоватые звезды. На голых ветвях кустарников заблестели ледяные хрусталики.

Ольга лежала на дне оврага, на берегу застывающего ручья, в плену цепкого кустарника, вконец обессилевшая, неспособная больше продвинуться ни на один шаг. Лежала неподвижно. Край ее платья вмерзал в прибрежный лед, а ей казалось, что она стремительно, неудержимо катится по земле к заставе, что слышит лай сторожевых собак и встревоженные голоса пограничников...

Андрейка забыл про сон. Он изо всех сил старался утешить Баяна: щедро, кусок за куском, давал ему хлеб, сахар. Баян вилял хвостом, ласкался к мальчику. Так, не отнимая руки от головы собаки, Андрейка и уснул.

Ветер гудел в голых ветвях деревьев, порывисто бил в стекла окон. Один из бурных порывов ветра с такой силой надавил на створки неплотно прикрытого окна, что они распахнулись, и в комнату устремились потоки холодного воздуха и рой белых снежинок. Баян в то же мгновение был на ногах, а еще через секунду прыгнул на подоконник, оттуда — вниз, на землю, и побежал по полотну железной дороги, почти не останавливаясь, верхним чутьем беря свежий запах следа хозяйки. Не добежав до границы участка, он вдруг остановился, заметался из стороны в сторону. Потом повернул назад, взял потерянный след и, держась его, побежал обратно; но снова потерял его в том месте, где к знакомому запаху примешались запахи чужих следов.

Баян стал описывать круги. На склоне насыпи он нашел то, что искал. След привел в мшистое болото, потом в кустарник, в лощину, на поляну и, наконец, в овраг. Здесь, на берегу замерзавшего ручья, и наткнулся Баян на Ольгу. Она ни голосом, ни движением не ответила на его радостный визг. Баян лизнул ее в щеку. Она молчала. Баян осторожно тронул ее лапой. Не пошевелилась. Тогда он поднял голову и завыл.

Андрейка проснулся от холода. Подняв голову, он увидел раскрытое окно. Почему оно раскрыто? Где Баян? Обведя глазами комнату, освещенную скудным светом починика, Андрейка не нашел собаки. Где же она? Побежала, наверное, по следу Оли. Значит, он один в доме.

Мальчику стало страшно. Он поднялся с кровати, сунул ноги в валенки, набросил на плечи шубенку и выскочил на улицу. Куда идти? Где искать защиты от этой темноты, от этого грозного ветра?

— Мама! Оля! — закричал Андрейка.

Голос мальчика был так слаб, а ветер так силен, что его никто не услышал. Крича и плача, Андрейка побежал по железнодорожной насыпи навстречу огонькам пограничной заставы.

Сержант Копыленко и рядовой Селезнев несли службу на границе. Часа за два до рассвета они вышли лесной тропой к глубокому оврагу и под надежной защитой его крутого обрыва направились к железной дороге. Вблизи бетонной трубы пограничники остановились, затихли: на высокой насыпи, отчетливо выделяясь на посветлевшей стороне неба, чернела приземистая фигура человека. Он двигался по направлению к границе.

— Оля идет, — шепнул сержант Копыленко, наклоняясь к уху своего напарника, молодого пограничника. — Путевая обходчица, — добавил он и улыбнулся. — Прюметная дивчина! Без отца, без матери живет, с малым братишкой, — и ничего: аккуратная, без сучка и задоринки. Прюметная дивчина! — повторил он теперь серьезно, с большим уважением. — Я ее походку за целую версту узнаю.

Фигура медленно приближалась, размахивая фонарем, постукивая ключом о рельсы и тихонько, вполголоса, что-то напевая. Копыленко, все еще с улыбкой, сосредоточенно слушал и вглядывался в темноту.

Погромыхивая одубевшим брезентовым плащом, путевая обходчица медленно прошла мимо зарослей орешника, в которых затаились пограничники. Пятна света упали на ее угловатое плечо, на узкий подбородок и тонкие губы.

Затаив дыхание, Копыленко некоторое время неподвижно смотрел вслед удаляющейся жемпине с чужим лицом, с чужой походкой, с чужим голосом.

— Это не она! — произнес сержант шепотом.

— А кто же? — От волнения Селезнев слегка заикнулся.

Копыленко молчал. Как это получилось, думал он, что на рабочем месте Ольги Капустиной оказался другой человек? Нет, еще вчера Ольга проходила здесь. И потом, если бы появилась новая путевая обходчица, начальник заставы обязательно предупредил бы наряд.

Значит, под видом Ольги, в ее плаще шагает кто-то другой! Идет в одежде Ольги, с ее фонарем. Как же это произошло? Не могла Ольга отдать все это добровольно...

Копыленко крепко сжал руку молодого солдата, вложил в нее телефонную трубку, кратко и ясно приказал немедленно сообщить на заставу и контрольно-пропускной пункт, что в сторону границы по полотну железной дороги движется неизвестный. Селезнев, вытащив трубку из чехла и размотав шнур со штепселем, бесшумно исчез в овраге.

Копыленко проводил товарища коротким взглядом и снова повернул голову в сторону полотна железной дороги, напряженно прислушиваясь. За два года службы на границе он познал повадки нарушителей, научился сообщать быстро, действовать молниеносно.

В густом ельнике, растущем вдоль железной дороги, послышался едва внятный шорох, но хорошо натренированное ухо пограничника уловило его. Копыленко снял автомат с предохранителя, распластался на земле, перестал дышать.

Раздвинув ветви ельника, сержант увидел двух мужчин. В ватниках лесорубов, в болотных сапогах, с автоматами, мягко, по-звериному ступая, они прошли несколько шагов на север и остановились невдалеке от елок, под которыми лежал Копыленко.

— Довольно. Вернемся! — сказал один хриловатым, сердитым голосом.

— Проводим еще немного, до поворота, — бросил другой.

Первый настаивал:

— Можем напороться на рожон. Довольно!

— Я сказал — проводим до поворота, — ответил второй с презрением. — Слыхал?

Они продолжали свой путь. Первым шел худощавый, на длинных ногах. Чубатая голова на тонкой, вытянутой шее беспрестанно поворачивалась из стороны в сторону — озирался. Второй, скуластый, черноусый, с опущенными наушниками, с подвернутыми голенищами сапог, отмерял расстояние крупными, уверенными шагами, глядя только вперед.

Они прошли так близко от Копыленко, что он слышал их прерывистое дыхание.

Пограничник пропустил мимо себя обоих и, как только они оказались к нему спинами, стремительно поднявшись, во весь голос скомандовал:

— Стой! Руки вверх!

Нарушители бросились к ближайшим кустам. Копыленко дал предупредительный выстрел и повторил приказание. Они не остановились. Копыленко прицелился и дал длинную очередь.

Затрещали кусты под тяжестью рухнувших тел. Посыпалась мерзлая земля по крутому откосу оврага. В том направлении, где скрылась путевая обходчица, послышались голоса пограничников, потом одинокий выстрел. Над лесом испуганно взметнулась какая-то птица, шумно захлопала большими, отяжелевшими от сна крыльями. И сейчас же вслед за этими понятными Копыленко звуками возник еще один, непонятный, загадочный: недалеко, в овраге, послышался протяжный вой. Кто это, волк? Нет, не похоже. Серый воет не так. Как будто собака... Не Баян ли это?

Вой сменился лаем. Теперь не было сомнения — Баян подавал голос.

Копыленко достал ракетницу, вложил в нее патрон и выстрелил. Это был условный сигнал на тот случай, если возникнет необходимость в срочной помощи.

Сильный свет белой ракеты залил железнодорожную насыпь, склон оврага, бетонное жерло огромной трубы и пограничника Селезнева, бегущего по болоту меж обледенелых кустов с автоматом в руках. Лед со звоном ломался под его ногами, хлюпала вода.

Оставив товарища около убитых нарушителей, Копыленко побежал на лай Баяна. Минуты через три он был на берегу ручья, где лежала Ольга, уже вмерзшая краем платья в прибрежный лед. Он упал перед ней на колени,

оторвал от земли ее покорную, тяжелую голову, осветил лицо.

— Оля! Оля!.. — с тревогой в голосе проговорил Копыленко.

Ольга медленно подняла тяжелые веки, взглянула на пограничника и опять закрыла глаза. Губы ее, бледные, с запекшейся кровью, чуть шевельнулись:

— Миша...

СОДЕРЖАНИЕ

У карпатского костра	3
Балтийский лед	30
Перед рассветом	56

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Для среднего возраста

Авдеенко Александр Остапович

У КАРПАТСКОГО КОСТРА

Ответственный редактор *И. В. Пахомова.*

Художественный редактор *Г. С. Вебер.*

Технический редактор *Э. В. Тишина.*

Корректоры

А. Б. Стрельник и Г. П. Якушина.

Сдано в набор 16/XI 1956 г. Подписано к печати 29/I 1957 г. Формат 84×108¹/₃₂ — 4,5 печ. л. = 3,7 усл. печ. л. (3,42 уч.-изд. л.). Тираж 90 000 экз. А00149. Заказ № 1496. Цена 2 р. 05 к.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза.

Москва, Суцевский вал, 49.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

*В 1957 году выходят в свет книги на современные темы
для детей среднего и старшего возраста:*

Мусатов А. — Большая весна

Воронкова Л.,
Воронков К. } Рожок зовет Богатыря

Замчалов Г.,
Перовская О. } Золотое руно

Жестев М. — Приключения маленького
тракториста

Валевский А. — Наследники Тимура

Вольнский Л. — Семь дней

Федосеев Гр. — Тропой испытаний

Маркуша А. — Ученик орла

Кузнецова А. — Жизнь зовет

Александровский В. — Когда нам
семнадцать

Азбукин Б. — Пять Колодезей

Полоцкая С. — Ученица 10-го «А»

Третьяков Ю. — Осьминог

Бондарин С. — Ваня Золушкин

Цена 2 р. 05 к. в переплете

Цена 1 р. 05 к. без переплета

Трусовица
63